

АЛЕКСАНДР ВЕПРЁВ

**БЕЛОЕ
ОБЛАКО**

Каждому человеку
с рождения даётся код,
даются линии жизни
и прочие метки,
по которым пойдёт его жизнь.
Надо-то только
повнимательней посмотреть
на буквы, линии, метки...

АЛЕКСАНДР ВЕПРЁВ

БЕЛОЕ ОБЛАКО

Избранные стихотворения

Москва
Издательство «ЛИФТ»
2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2-411.2)64-5
В 34

С Е Р И Я
«Золотой ЛиФФт. Писатели России»

АЛЕКСАНДР ВЕПРЁВ
Белое облако

В серии «Золотой ЛиФФт. Писатели России» будут представлены Лауреаты Всероссийского литературного фестиваля фестивалей ЛиФФт.

ISBN 978-5-6040161-4-5

© А. Вепрёв, текст, 2018
© А. Вепрёв, фото, 2018
© Издательство «ЛИФФТ», 2018

Что выделяет этого автора из всех прочих верлибристов, пишущих по-русски? Русское звучание, русский размах, русский юмор, какая-то простодушная свобода изъяснения, немыслимая в верлибре западноевропейском и американском. Есть в сочинениях Вепрева что-то сверх необходимого, словесное излишество человека, сидящего где-то в приморском кафе и никуда не спешащего (Вепрев и действительно проживает у моря — в Сочи)... нельзя, глядя на море, не уходить в задумчивость, не предаваться созерцанию, не думать о вечном.

Эмиль Сокольский

Моим родителям посвящается

БЕЛОЕ ОБЛАКО

БЕЛОЕ ОБЛАКО

Всё хочу написать стихотворение об отце,
да всё время откладываю . . .

А дело вот в чём, когда я был маленьким,
отец однажды сказал, что купит мне
«Железную дорогу».

Это такая детская игрушка:

на полу раскладывается игрушечная железная дорога
со станциями и домиками, а по дороге кругами
бегают маленький электровозик, при этом
его маленькие вагончики забавно покачиваются
из стороны в сторону . . .

Жили мы тесно, в комнатке три на четыре,
в пятиэтажном бараке...

Помню огромный, под орех, двухстворчатый шифоньер,
на боковой стенке которого была приклеена газета
с портретом Гагарина. У окна стоял такой же светлый сервант,
заполненный посудой, рядом с ним родительский диван,
затем моя кровать, а посередине комнаты возвышался
круглый стол. Телевизора у нас не было...

И когда мать спросила отца,
куда он эту дорогу собирает разложить,
отец сказал, что под столом: больше некуда.

— Но под столом у мальчика чемодан с игрушками, —
резюмировала мать.

Мой чемодан и вправду был большим,
похожим на сундук, где кроме игрушек хранился
старинный амбарный ключ,
найденный мной в деревне, когда я гостил
у бабушки с дедушкой, и всякие безделушки
от самокатных подшипников

до пластмассовых пробок...

Больше от родителей я никогда не слышал
про железную дорогу,
да и они, похоже, забыли про неё... На протяжении
всей жизни я периодически вспоминал,
что отец хотел купить мне дорогую игрушку,
и в душе был счастлив.

Вспоминал, даже когда мои родители развелись,
и мать увезла меня в другой город,
потому что теперь для меня это было
больше, чем воспоминание...

Иногда мне казалось, что отец был рядом.

Вот он стоит у окна, курит папиросу,
смотрит за окно, словно размышляет о том,
когда мы пойдём покупать нашу «Железную дорогу»,
или думает, где лучше расположить её.

Вот ранним утром он ведёт меня в детский сад,
напевая на ходу известную песенку,
видимо, для того, чтобы нам было идти веселее,
песенку, которую мы всей семьей
однажды услышали в кинотеатре
на вечернем сеансе . . .

Прошло много лет.

Отец умер, за ним ушла моя мать...

Я уехал жить в южный город.

Снял у старика-армянина однокомнатную квартиру,
возле набережной открыл своё маленькое предприятие
по продаже солнцезащитных очков:

на юге солнца много,

и глаза необходимо прятать от него.

Но, как говорят жители Кавказа,

глаза от солнца не спрячешь, а от людей и подавно.

На второй летний сезон купил в рассрочку
квартиру с видом на море.
Дом стоит на горе . . .
Я часто сижу на балконе
и люблюсь субтропическим пейзажем,
небом и огромными белыми облаками.
Внизу стоят крохотные домики,
по склону горы спускается
лиственный дикорастущий лес,
а ближе к морю располагается железная дорога,
по которой ежедневно – и не раз – бегают маленький
электровоз. Иногда он гудит,
будто пытается сказать о чём-то важном,
а его маленькие вагончики – под перестук колес –
забавно покачиваются из стороны в сторону . . .

Мне кажется, что отец сдержал своё обещание.
И они вместе с матерью смотрят на меня
с белого облака.

NORUL ALB

Mă gândeam să scriu un poem despre tata,
dar am tot amânat...

Poate și din motivul că, pe când eram mic,
odată tatăl îmi promisese
că-mi va cumpăra o „Cale ferată”.

Un fel de joc pentru copii:
pe dușumele e întinsă o cale ferată-jucărie
cu stații și cantoane, iar pe șine, în cerc,
gonește un trenuleț electric, vagoanele sale
clătinându-se amuzant
dintr-o parte în alta...

Trăiam strâmtorați, într-o odaie de trei pe patru metri,
dintr-o baracă de cinci etaje...

Îmi amintesc șifonierul din lemn de nuc cu două uși,
pe una din laturile căruia era încheiat o pagină de ziar
cu portretul lui Gagarin. Spre geam, un scrin, deschis și el la culoare,
plin cu veselă, alături de el – canapeaua părinților,
apoi pătucul meu, iar în centrul odăii trona
o masă rotundă. Nu aveam televizor...

Iar când mama îl întrebă pe tata,
unde are de gând să plaseze calea ferată,
tatăl spuse că sub masă: alt loc mai potrivit nu se găsea.
– Dar sub masă e geamantanul cu jucării al copilului, –
constată mama.

Într-adevăr, geamantanul meu era destul de voluminos,
asemănător cu o ladă, în afară de jucării în el păstrându-se
o enormă cheie de la un lacăt de hambar,
pe care o găsisem în sat, când fusesem la bunici,
și mai multe flecuștețe, cum ar fi
rulmenți de la trotinetă,

dopuri de plastic...

După aceea nu am mai auzit ca părinții să amintească
de promisa cale ferată,
probabil dâșii uitând de ea... Pe parcursul vieții,
din vreme în vreme mi-am amintit
că tatăl se gândea să-mi procure acea jucărică scumpă,
în sufletul meu simțindu-mă fericit.

Îmi amintii și atunci, când părinții divorțaseră
și împreună cu mama am plecat într-un alt oraș;
deja, pentru mine asta fiind mult mai mult
decât o amintire oarecare...

Uneori mi se părea că sunt împreună cu tatăl.
Iată-l la geam, fumându-și țigara,
privește în lume, de parcă s-ar fi gândit
când ar fi potrivit să mergem să procurăm „Calea ferată”,
sau poate cumpănește unde ar fi mai bine, totuși, să o aranjeze.
Iată, dimineața devreme, el mă duce în grădină,
fredonând o melodie cunoscută,
probabil, pentru ca să ne mișcăm mai vioi,
un cântecel pe care noi, familia întreagă,
îl auzisem odată la cinema,
la un film oarecare...

Trecură mulți ani.

Tata muri, după el plecă și mama...

Eu m-am mutat cu traiul într-un oraș sudic,
închiriind o garsonieră spațioasă de la un bătrân armean,
lângă chei deschizându-mi mica afacere,
vânzând ochelari de soare:

la sud e mult soare

și ochii trebuie ocrotiți de lumina intensă.

Însă, precum spun locuitorii din Caucaz,

nu-ți poți ascunde ochii de soare, cu atât mai mult de oameni.

În al doilea sezon estival mi-am procurat în rate
un apartament cu vedere la mare.
Casa e pe panta muntelui...
De multe ori stau la balcon,
admirând peisajul subtropical,
cerul cu nori albi plutitori.
Jos, spre țărnișă, se înșiră case ca și miniaturale,
pe panta muntelui coboară
o pădure sălbatică de foioase,
iar mai spre țărnișă se înșiră case ca și miniaturale,
pe care, zi de zi, trece
un tren nu prea mare. Uneori, locomotiva șuieră,
de parcă s-ar strădui să spună ceva important,
iar vagoanele mici, cu roțile bătănd ritmic,
se clatină hazliu dintr-o parte în alta...

Încât mi se pare că tatăl meu și-a ținut promisiunea.
Și, parcă, împreună cu mama, ambii privesc spre mine
de pe un nor alb.

(Перевод на румынский язык Leo Butnaru)

WHITE CLOUD

Now and again I am intent on writing a poem about my father
still somehow hold it over. . .

The point is that when I was a child
my father said he would buy me
a 'railroad'.

It was a toy train set:

a toy-railroad was placed on the floor
together with toy stations and huts, and along it
an amusing toy-engine, with its tiny cars
rocking to and fro,
was running in a circle.

We lived in a cramped room three meters by four
in a five storey hovel.

I remember there was a phony walnut huge chest of drawers
with two folds

on a side wall of which a newspaper with a Gagarin portrait
was stuck up. At the window there was a sideboard of the same tint
full of crockery, beside it was the parents' sofa and my bed, and
in the middle of the room mounted a round table.

We had not a TV set.

That's why my mother asked the dad

where he was going to lay out that 'railway';

he answered it would be under the table for want of another place.

— Under the table the boy has a suitcase with toys, —
my mother summarized.

Indeed, my suitcase was a pretty large one and

looked like a chest, contained besides the toys

an old barn key I'd found in the country

while staying in summer with my grandparents in their village,
some other knick-necks — from

roller bearings for a child's scooter to
plastic corks.
However later on I never heard anything from my parents
concerning the 'railway',
as likely as not they forgot about it. Still from time to time
I recalled that my father
had wanted to buy me an expensive plaything,
and then I felt happiness at heart.
I did remember about it in spite that they divorced
and I was taken by my mother to another city,
because it was no more
a plain recollection.
Sometimes I visualized my dad beside me:
standing at the window and smoking a cigarette
with cardboard mouthpiece,
and likely thinking
about the time of buying the 'railroad'
and laying it out.
I imaged him leading me to the kindergarten in the morning
and singing – to make our way carefree –
a well known song we had heard all together
in the cinema theatre
at an evening showing.
My father died, after him my mother passed away.
I moved to a southern city;
rented a room from an old Armenian,
started an enterprise near the embankment, a small business
for selling sunglasses –
the light of the sun is intensive in the south,
you should avoid exposure of your eyes to it.
But you cannot hide your eyes from the sun,
as dwellers of Caucasus say, –

and from people too, even more so.
On the second summer season I purchased by installments
a flat with a view on the sea.
The house is on rising ground.
Often I sit at the balcony
and admire the subtropical landscape,
the sky, and large white clouds.
Below I can see tiny huts,
a deciduous wild wood
descending by the slope,
and closer to the sea there is a railroad,
by which several times a day
runs a little electric locomotive. Sometimes it hoots
as if it feels like to tell something important,
and the small cars are
amazingly rocking to the ramble of wheels.
I think that my father has kept his promise,
and my mother and he are looking at me
from a white cloud.

(Перевод на английский язык В.В. Чистякова)

БУКВЫ

Собранию сочинений Геннадия Айги

Оказывается,
стоит повнимательней посмотреть
на буквы своей фамилии,
немного подумать,
подвигать буквы,
попереворачивать...
как вдруг тебе открывается
даже то,
о чём бы ты никогда
самостоятельно не додумался.
Каждому человеку с рождения даётся код,
даются линии жизни
и прочие метки,
по которым пойдёт его жизнь.
Надо-то только
повнимательней посмотреть
на буквы, линии, метки...
Попереворачивать,
по-всякому
повыворачивать...

PROGRAM FILES

Константину Кедрову

Я хотел сочинить стихотворение
про фиолетовую птицу какаду,
которую случайно увидел,
пролетающую в лучах вечернего солнца. . .
Я сел за кухонный стол, открыл тетрадь.
Взял ручку,
но в ней не оказалось чернил.
В это время в кухню вбежал мой маленький сын:
– Папа, я хочу кушать!..–
С тех пор прошло много лет.
У меня есть шикарная ручка, которую подарил
мой взрослый сын.
Чернила в ней никогда не заканчиваются.
Супруга на заработанные мною деньги
купила дубовый письменный стол XIX века.
С серебряными замками. . .
А вчера на вечере в МГО СП России
с теплом о моём творчестве говорил
номинант на Нобелевскую премию
поэт и философ Константин Кедров.
Всё у меня есть!
Три машины, три квартиры. . . три магнитофона!
Даже три города, в которых я проживаю
одновременно. . .
Но я никак не могу сочинить стихотворение
про цветного попугая какаду,
которого когда-то увидел, пролетающего
в лучах вечернего солнца...

ЛЕТО

Бабочки превращаются в цветы.

Цветы — в бабочек.

Земля становится небом...

Небо становится землёй.

Я вижу:

зелёное светлое небо

простирается над синей землёй...

Так начинается море.

ПЛАТАН

Златая цепь на дубе том...

А. Пушкин

Во дворе дома, где я снимаю квартиру,
растёт преогромное дерево.
Дерево называют платаном. Каждое утро дворник
сметает с веток жухлые листья.
На толстых ветках стоят деревянные лавки,
детские качели с песочницей
и железная ограда. . .
Дети в песочнице строят песочные замки,
играют в маленькие машинки,
бегают по веткам, будто летают ангелы.
Кормят голубей, играют в салки. . .
Дурачатся на платане —
видимо, им на платане очень нравится.
Представьте только: качели, песочница,
пластмассовые горки.
С веток свисают балконы, оконные створки
и четыре подъезда соседнего дома.
Сидят на лавке домовитые хозяйки;
они собираются на нижней ветке,
чтобы о чем-нибудь посудачить. Например, о Тане,
которая опять, забравшись на дальнюю ветку,
целуется с малознакомым мужчиной в длинноносой кепке. . .
А ещё
на верхушке дерева трепещется разноцветное бельё,
как флаги на корабле, на котором плавает
капитан с курительной трубкой,
живущий в квартире, похожей на корабельную рубку,

окна которой выходят прямо в густую листву.
Капитан выходит гулять по дереву где-то к полудню,
а потом садится в чёрную, как его китель, машину,
съезжает с платана и уезжает.
То к своей любимой, которая привыкла ждать
и никак его не дожждется,
то к любимому кораблю в морпорт,
где стоит, зашедший из прошлого века, пароход,
и дымит, как трубка чёрного капитана.
Если посмотреть на дерево из окна соседнего дома,
то на нём будет висеть моё окошко.
Вот я в квадрате окна пью утренний свой кофе
и, конечно, скоро выйду на прогулку по дереву,
где на ветках растут маленькие деревья,
стоят деревянные лавки,
детские качели с песочницей . . .
И две небольшие пальмы.
Как они там оказались —
никому не известно
и не понятно, как сказал бы профессор *Иоффе*...

ПТИЦА

Верлибр в восьми верлибрах

I

У птицы не было крыльев.
Она выходила на берег и смотрела море.
Море уходило в небо: над волнами летали чайки,
у которых были крылья.

II

Птица следила за полётом чаек,
поворачивала голову с клювом то влево,
то вправо. . . Так смотрела,
как будто смотрела острым клювом.

III

Птица пыталась взлететь,
подпрыгивала, чтоб от земли оторваться.
Махая отсутствующими крыльями,
падала и снова прыгала, как на скакалке. . .

IV

Когда усталость настигала птицу,
как морская волна каменистый берег,
птица садилась на камень и пела песню о камне,
у которого тоже не было крыльев.

V

Эту песню о бескрылом камне
невозможно понять тому, кто слышит.
Эту песню может понять тот,
кто с рождения не имеет слуха. . .

VI

Вечером, когда песня кончалась, на берег
слеталось множество чаек,
берег был заполнен белыми чайками,
как будто снегом . . . Или кипящей пеной.

VII

Птица радовалась, птица кричала . . .
Она разговаривала с чайками.
Птица ощущала себя птицей с крыльями,
как ощущает себя человек в стае дельфинов.

VIII

А потом, когда небо спускалось в море,
птица подходила к морю и смотрела небо.
Над волнами летела солнечная жар-птица,
у которой никогда не было крыльев . . .

БРЮШАТЫЕ ПОЛУМУЖЧИНЫ

Южная песенка

I

Фембиобла роняла цветы из корзины,
Фембиобла по улочке шла.
А поджаро-брюшатые полумужчины
пожирали глазами её...

II

Фембиобла на берег Аркузии вышла
и разделась, и в море вошла,
а поджаро-брюшатые полумужчины
продолжали глазами её...

III

Тут красавец-спортсмен Кумбабаевич плавал,
к Фембиомбле он тут же поплыл, —
а поджаро-брюшатые полумужчины
продолжали глазами двоих!

IV

Пара долго резвилась в Аркузии волнах,
а потом разошлась по домам!
А поджаро-брюшатые полумужчины,
понабравшись, глядели себе...

КАРТОФЕЛЬНОЕ СОЛНЦЕ

Верлибр в пяти верлибрах

I

Иногда солнце гладит мягкой ладонью, иногда тихонько пощипывает твоё лицо тоненькими ноготками, тонкими и нежными, как стропы парашютиков белого одуванчика.

II

Иногда солнце проникает в тебя сквозь глаза, хотя глаза закрыты.

Ты лежишь на пляже у самого Чёрного моря. Солнце наполняет тебя оранжевым светом, так наполняет, что само становится чёрным...

III

Солнце бывает зелёное, синее... Даже чёрным светом светит в твои глаза, хотя глаза закрыты.

Потому что невозможно смотреть на солнце открытыми глазами.

Можно только смотреть на него, когда глаза закрыты.

IV

Я сегодня вспомнил о солнце, когда наклонился над кастрюлей, где лежал в мундире только что сваренный картофель. Я закрыл глаза.

Тепло картошки осветило моё лицо картофельным солнцем.

V

Картофельное солнце лежало на дне кастрюли, пышущее теплом и тонким запахом южного лета, обнаженных грудей молодой дородной девки и едва проступившей её мокрой бородки, что чуть выше ляжек...

ЧЁРНАЯ ЧАЙКА

Верлибр в шести верлибрах

I

Тихие волны шумели, накатываясь на берег,
чайки кричали, их крик невозможно было
не услышать,
потому что чайки —
это морские романтические птицы,
или потому что я прогуливался по набережной
возле самого Чёрного моря . . .

II

В моей душе рождалось стройное
необычайное стихотворение,
я восхищался стихом,
как восхищаются курортным романом.
Взлетал и летал вместе с белыми чайками
над горным склоном,
когда я прогуливался по набережной
возле самого Чёрного моря . . .

III

Белыми туфлями я наступал на край
лучезарного небосклона,
жаркий ветер залезал в рукава
моей безрукавой футболки...
У меня попросила сигарету
чёрноглазая длинноногая колумбийка,
когда я прогуливался по набережной
возле самого Чёрного моря . . .

IV

Она прислонилась ко мне своей мягкой,
как слива, грудью,
её толстые губы говорили о том,
что понять невозможно.
Она была кожей похожа
на горькую гладкую шоколадку,
когда я прогуливался по набережной
возле самого Чёрного моря . . .

V

Может быть, она тоже хотела полетать в небе,
белой чайкой парить
над морским лучезарным простором.
Тёмными ногами она пыталась ходить
по светлому небу,
пока я прогуливался по набережной
возле самого Чёрного моря . . .

VI

А когда солнце скатилось в морскую пучину,
и в пучине исчезло,
когда чайки сели отдохнуть
на остывающий каменистый берег,
люди увидели летящую над морем
необычную чёрную чайку,
с сигаретой в клюве, похожем
на толстые негритянские губы...

ОБЕЗЬЯНКИ

Верлибр в шести верлибрах

I

Однажды, здесь на земле, с земли,
кошки увидели морских птиц. Птицы летели морем.
Кошки решили тоже полететь – сбились в стаю –
вместе, решили они, лететь сподручней.

II

Сначала они запрыгивали на стволы деревьев,
потом перепрыгивали со стволов на ветки,
потом с ветки на ветку, потом с ветки в небо,
но получалось – на землю. . .

III

Затем они подпрыгивали кверху, одна за другой
махая своими солнечными кошачьими лапками так,
как птицы машут крыльями, когда набирают высоту
перед заходом солнца. . .

IV

Глупые кошки пытались взлететь стайей,
но стайей, как ни взлети, даже прыгать не получалось.
«Потому что кошки ходят сами по себе, –
сказала одна умная кошка. – А летают – тем более...»

V

Так здесь, на земле прибрежного субтропического края,
появились маленькие глупые обезьянки. Они прыгали
по деревьям до тех пор, пока их не поймали и не приручили
местные, земные предприимчивые жители.

VI

Теперь обезьянки охотно фотографируются с туристами, приезжающими на летний отдых к морю, где всё также гордо реют над морским простором быстроскрылые птицы. . . Видимо, поэтому глупые обезьянки редко смотрят в небо. А кошки – тем более! Как сказала одна умная кошка.

РЫБА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ШОРТЫ

Верлибр в шести верлибрах

I

Здесь, на сходе двух стихий неба и моря,
на волнорезе сидел рыбак с удилицем.
Он был чёрен лицом, загоревшим от солнца,
в солдатской рубахе, прилипшей к телу,
в соломенной шляпе, похожей на миску.

II

Он смотрел в море. Ждал свою рыбу. Ждал,
как ждут обыкновенного чуда. И дожидался!
Поплавок уходил в воду. Хо-оп! Рыбак дергал удилице!
Удилище взлетало к небу. . . Из воды вылетала
пойманная на крючок барабуля,*
похожая на солнечный блик,
вырванный из морской пучины...

III

— Чего тебе надобно, старче? — трепыхалась
рыба на леске. — Отпусти ты меня! Не мучай! —
по-рыбьи рыба вопила.
Но рыбак ничего не слышал.
Он был рад по-звериному своей удаче. Своей добыче.
Руки его дрожали, словно в судороге...

IV

Так рыба становится предметом товара,
свежим продуктом. Потом рыба становится пищей.
Если следовать учению Карл Маркса, получится
следующая метаморфоза: «Море — товар, товар — пища».
Или такая: «Труд — пища — жизнь», похожая
на социалистический лозунг: «Мир — труд — май!».

V

Но рыбак думал иначе: «Рыба – деньги – водка».

А по версии жены рыбака будет так:

«Рыба превращается в деньги,

деньги превращаются...

деньги превращаются... Превращаются деньги...

В элегантные шорты!».

VI

Здесь можно бы поразмышлять о многом:

о других трудах Карл Маркса, *о добре и зле,*

о лютой ненависти,

о повести Хемингуэя «Старик и море»,

о спасении во имя Отца и сына, и святого духа,

о прощении... как, впрочем, о нелегкой

и непростой нашей жизни, которая гораздо проще:

Хо-оп! Удилище взлетает к небу...

Улов становится больше!

МОЛОЧНЫЙ КРИК

Верлибр в пяти верлибрах

I

Ближе к полудню море слилось
с облаками молочного цвета.
Кое-где всё же просвечивало синее небо,
но совсем немного.
Даже солнце освещало море
туманно-молочным светом,
так светило, будто находилось в пучине
молочного моря.

II

Думал я, разве можно жизнь под себя исправить,
разве можно поменять молочные краски
на краски другие?
Разве можно синей краской
нарисовать молочное море?
Ну, а вода на самом деле не имеет
никакого цвета.

III

Думал я, вот пройдет зима,
дождливая неблагоприятная непогода,
вот пройдет апрель, вот наступит май
с отворотом жары в июле.
Сотни, тысячи солнечных бликов,
как сотни и тысячи дивных улыбок,
превратят молочное море
в синее-синее море.

IV

Или будет, как было:
молочное море продолжит искриться,
искренне улыбаясь приближению
долгожданного лета,
которое светит над морем
туманно-молочным светом
так, как будто находится в пучине
молочного моря.

V

Блики на море,
словно множество белых чаек над миром,
или как моль над проеденным за зиму покрывалом,
то тут, то там, – куда ни посмотришь
и не наведишь ухо, –
будут летать бесконечным
неслышным криком. . .

ДОЛГИЙ УЖИН НА БЕРЕГУ МОРЯ

1

Чайки кричали голосами кривыми,
как будто были меж собою в ссоре. . .
Я смотрел в синее голубое море,
и глаза мои становились голубыми.

2

Но если долго смотреть – ничего не увидишь,
это – как без умолку говорить в ресторане
и ничего не слышать. Речь не о слуховой мембране,
с помощью которой всё равно не слышишь.

3

В рюмке стекла может отразиться птица,
но никогда не отразится то, что не желаешь,
что с того, что тебя отражают кавказские лица,
если ты своим лицом ничего не отражаешь. . .

4

Можно предвидеть то, что никогда не случится,
разве что в параллельной твоей жизни,
но никогда не узнать о том, как не почувствовать дешевизны,
когда жизнь дорожает и не даёт мелочиться.

5

Можно горевать о жизни, в которой много смысла,
ибо горесть переполнила чашу всего мироздания,
только нет ни сил, ни смысла на продолжение твоего скитанья
в сих пределах, которых не отмерить мыслью.

6

Вот и смотрю в море и слышу его пеньё,
поднимая бокал за райскую куц, за кусок хлеба,
и если синее море отражает голубое небо, –
то мои глаза выражают лишь моё изумление...

НАРИСОВАТЬ ЭТОТ МИР

Верлибр в шести верлибрах

I

Лист оторвался от ветки и улетел в небо,
но не оторвать его от этого мира,
как не оторвать волну от спокойного моря . . .

II

Я хотел бы продлить свою жизнь,
которую еще не прожил и пока не понял,
как будто можно понять и прожить то, что хочешь . . .

III

Знаю, что можно жизнь рисовать стихами
на бумаге ли, на холсте ли, на судьбе ли – не важно!
Знаю, но для чего мне это знание?

IV

Вряд ли жизнь заключается в вечных страданиях,
которые рисуют на холсте ли, на небе ли,
на судьбе ли . . . Или на море.

V

Потому ли я не знаю всей этой мирской правды,
всей тайны мирской, лишь оттого, что знаю,
что могу нарисовать этот мир лишь на бумаге.

VI

И не оторвать мой взгляд от этого неба,
как не оторвать волну от спокойного моря
и увядший лист от этого мира . . .

КАБИНЕТ В КОРИДОРЕ

В доме, где я снимал квартиру, можно сказать кабинет в коридоре, происходили странные звуки. Ночью, когда все жильцы спали, начинали скрипеть половицы... Казалось, что кто-то ходит, что-то ищет...

— Кто по ночам ходит-бродит? — спросил я дворника ранним утром.

— А! Пустяки, не обращайтесь внимания, — ответил бородатый дворник. — Это писатель, который жил здесь в прошлом веке.

Говорят, что писатель опять что-то пишет, приходит в дом и всё ходит-бродит...

Видимо, что-то ищет.

— Может быть, он ищет вдохновение?

— Может! Кто их знает, этих писателей в чёрных пальто и широкополых шляпах! —

Только тогда я обратил внимание, что на стене прямо под балконом, нависшим над придомовым газоном, висела мраморная памятная доска, с которой гласила золотая надпись, что в этом доме жил и работал писатель Вишневский.

«Странно, — подумал я. — Я вначале подумал, что ходит-бродит здесь по ночам писатель Булгаков».

— Всё может быть, — неожиданно сказал дворник. — Возможно, Булгаков желает увидеть, чем вдохновлялся здесь, на курорте, советский писатель Вишневский... —

Я опешил, но дворник добавил:

— Кстати, совсем недалеко расположен дом, где работал писатель Островский...

- Да? Но Островский не носил чёрного пальто и широкополой советской шляпы...
- Всё может быть, – снова ответил дворник и, подумав о чём-то, продолжил метлою сметать с тротуара жухлые листья.
- Всё может быть... – повторил я и поспешно поднялся в съёмную квартиру, а точнее – в кабинет в небольшом коридоре...

ЛЕПНИНА

Поскольку слово требует любви,
а где любовь – там рядом ходит ложь,
поэтому любовь желает слов,
или хотя б одно живое слово,
иль малую частичку полуслова,
иль малую частичку малой части,
которую случайно непривычно
ты между делом вдруг произнесёшь . . .

Но даже и того в помине нет!
Лишь дождь стучит, как точки от причастий
и существительных.
«У-у-у!» – гудит вдали вокзал.
«Му-у-у!» – мычит он стопудово.
И ветка о балкон рукой стучит,
да на веревках прыгают прищепки,
побрякивая друг о друга: «Бряк, бряк, бряк . . .»
«Стук-бряк, стук-бряк, стук-бряк»
да что-то вроде звука «тук-тук, тук-тук, тук-тук . . .»,
как будто порожняк
вдали выстукивает годы нашей жизни,
бесформенной и неумелой лепки . . .

Но если жизнь – лепнина, то тогда
на чьей стене красуется лепнина,
и сколько нужно стен, чтоб всю лепнину
на стены укрепить? Быть или не быть?!
Вот мой вопрос:
«Лепниной – на стене или стеной?»
Хотя пора остыть,

поскольку стены тоже часть лепнины,
и в большей части зрительный обман,
как замысел Творца, украсил зданье.
Тогда, как мусульманину – Коран,
мне будет Светом Божиим тот обман,
иль, скажем, как Кавказ – для армянина.
А где же слово?
Только «стук» да «бряк», а слова нет. . .
Такая вот картина;

поскольку слово требует любви,
пусть сказанное слово – это ложь,
и чай давно остыл, и невозможно
тебя услышать в пустоте безликой,
приди, вспугни обман и этот «бряк»
хотя бы полусловом или вскриком,
который неслучайно, непривычно,
нечаянно ты вдруг произнесёшь. . .

ОБОЗНАЧЕНИЕ

I

И современность хороша там, где её нет,
когда соседствуют ноутбук и кларнет,
по такому же принципу муж соседствует с женой,
им хорошо вдвоём, и не нужен ни третий, ни третья . . .
Впрочем, а может ли быть современность
в начале столетия,
обозначенная неизвестной средой?

II

Панк-молебен и молитва, вроде, не одно и то же;
о любви, ненависти, хлебе насущном
не просить – негоже . . .
Ангел, если он существует, никогда не делает перелёт
от одного храма к другому,
хотя какой может быть храм,
когда есть небеса или небо обетованное,
или тамтарарам . . .
«Научи дурака богу молиться – он лоб расшибёт».

III

И всё, что движется – можно не только не любить,
и всё, что наливается в стакан –
можно не только пить.
От кремлёвских дворцов до тюремных клеток,
как сказал некто или не помню кто:
всего четыре шага . . . Правда тешит самолюбие
о знамени Победы над зданием Рейхстага . . .
И не тешит, когда на площади – кладбище
и мавзолей.

IV

Вот поэтому современность хороша и нехороша;
для чего нам тело, если есть душа?
Можно перефразировать не только фразу и воскресить . . .
Можно послать всех и себя к матери на Венеру!
Можно попросить здоровья итальянскому
Сильвио Берл-премьеру*,
если пуговицы на запонки не заменить.

* Сильвио Берл-премьеру – игра слов.

КВАДРАТНЫЕ КВАДРОКУККИ*

За окном живёт квадратное небо. Квадратное море.

Квадратные крыши, квадратные деревья.

Летают квадратные чайки,
махая квадратными крыльями.

Над квадратным морем плывут квадратные облака,
гонимые квадратным ветром. . . Хотя небо и море
имеют форму полукругло-округлую.

Или вогнуто-округлую. . . (округло-выгнутую)

И деревья полукруглые, овальные.

Или вогнуто-овальные. . . (овально-выгнутые)

Но в квадрате окна

небо – квадратное,

море – квадратное,

дождливые дни – серо-квадратные в квадрате.

А в квадратном парке квадратного санатория

по квадратным дорожкам прыгают странные

квадратные quadroкукки. . .

Только ваза на моем квадратном столе – треугольная;

лежит в ней спелая квадратно-округлая груша,

похожая на мою квадратно-овальную голову,

отражающуюся в треугольной вазе. . .

И, конечно же,

в вазе отражаются квадратные quadroкукки,

похожие на больших квадратных кузнечиков,

а иногда – на квадратных обезьянок. Но это

бывает по квадратным четвергам или

дождливо-квадратным пятницам,

но никак не по солнечным треугольным субботам

и воскресениям, когда солнце – в зените. . .

Когда, даже пчёлы становятся мохнатыми треугольниками
и треугольно жужжат над треугольными лепестками
белых цветов треугольной Магнолии...

Но, как прежде, в тенистом парке
квадратного санатория,
где на квадратном балконе квадратного здания,
сидя в квадратном кресле, квадратный человек
в наполеоновской квадратной треуголке
читает свою важную квадратную газету,
всё также прыгаю по квадратным дорожкам
странные квадратные quadroкукки . . .
Прыг-прыг-прыг, да прыг-квадрадаг!
Но человек их просто-навсего не замечает
или делает вид, что не видит...

* Quadroкукки – фантастические маленькие зверьки, похожие на
больших квадратных насекомых, обитающие, по утверждению автора,
на Чёрноморье.

БАРЖА

Маленькая повесть

1

Как по заливу-океану
ходила баржа,
как эсминец,
но походила всё ж на ванну,
полощут где одежды ситец . . .
И холод выстиранных
простынь.

2

Как по заливу-океану
толкали баржу
два судёнка.
Они визжали и гудели,
как два плывущих поросёнка...
В железных рыцарских
доспехах.

3

Как по заливу-океану
возила баржа
груз испанский,
затем германский и турецкий,
потом китайско-африканский...
И даже числился в реестре —
груз баклажанский.

4

Как по заливу-океану
тащила баржа
горы ситца,
но про себя решила баржа,
что далеко ей до эсминца . . .
И с тяжким грузом
затонула.

5

Как в том заливе-океане
подняли груз
матрос, мздоимец . . .
Ну, а на дне осталась баржа,
как сбитый турками эсминец . . .
Точней – в бою морском
подбитый.

6

На дне залива-океана
лежала баржа,
как-то странно . . .
Зато впервые, как ни странно,
была похожа не на ванну,
полощут где одежды ситец . . .
А на потопленный
эсминец!

ТОНКИЙ АРОМАТ

Директор крупного банка по утрам пьёт кефир, полагая, что его жена в данный момент находится в Берлине.

На самом деле она в Париже: со своим бойфрендом едет на открытом «Мерседесе» в магазин верхней одежды, что на Шерш-Миди, чтобы прикупить бой-френду две пары шёлковых носок, пару брюк на низкой талии, а также приталенных рубаш с перламутровым отливом. . .

И перламутровыми пуговицами.

Помимо всего прочего, жена директора крупного банка прикупит себе в магазине нижней одежды – нежного нижнего белья с ароматом абрикоса,

банана,

клубники, полагая,

что этот аромат скрутит голову бой-френду,

как, впрочем, скрутил головы

всем малочисленным и малознакомым её мужчинам.

Конечно, это не «Шанель № 6»,
вернее, воздух самого Парижа. . .

Но жена директора крупного банка понимает, что бой-френд чувствует, что не понимает многое.

Он видит в себе дикого самца-вепря,

готового на завтрак съесть обед,

ужин – вместе с завтраком. Пьёт, что горит. . .

Может резвиться одновременно с молодой мулаткой и дамой, любящей читать Оноре де Бальзака (То есть с ней!).

Она любит делать, что хочет,
иногда просто скуки ради...
Потому что ей этого надо.
Ведь она – жена директора крупного банка,
что в данный момент пьёт утренний кефир и не знает,
что делает жена в данное время... Или не хочет знать.
Он занят работой. Он живёт совсем в другом измерении.
В другой стране, преогромной, как Африка,
где ничего не купишь за деньги, кроме кефира...

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

— Почему ты боишься моего гнева? — спросил я её. Она сидела на кушетке с голыми коленками и смотрела мне в глаза.

Я повторил снова. И она стала медленно отвечать, словно пошла по извилистой тропке, спотыкаясь о лесные болотные кочки. . .

— Эдуард, вы знаете, ну, когда вы ругаетесь, вы говорите коротко. Ну, как Васька дворник или водитель ваш. . . — И она вдруг засмеялась, очевидно, вспомнив смешной случай с водителем.

— И что с того? — подобрел я, глядя, как танцуют её ямочки на кругленьких щеках.

— Ну и вот, — она перестала смеяться и продолжила. —

Когда вы ругаетесь, вы говорите коротко.

— И всё?

— Ну, типа: вы что, совсем обалдели?

Кто будет это делать? Я что ли? — Она стала неловко махать руками. Её маленький ротик стал кривиться, казаться некрасивым, и она продолжала кривить его, произнося короткие фразы, будто это говорил я, а не она; и так продолжала кривляться дальше, до тех пор, пока не устала.

А я смотрел на неё, смотрел и думал. . .

И мне тогда пришла неплохая, на мой взгляд, мысль, которая заключалась в том, что эта девушка будет нравиться мне всегда, даже, когда из её глаз будут капать или катиться по лицу большие слёзы, и, ударяясь о грудь

её незамысловатой кофточки,
стекать и падать на пол.
Что мне всегда будут нравиться её губы,
даже когда они будут перепачканы едой
или будут перекошены
в неистовом гневе ли,
экстазе ли. . .
Или просто будут сомкнуты бантиком.

ВДОХНОВЕНЬЕ

Жена уехала...

Меня стало посещать вдохновенье!

Вдохновенье приходило сквозь окно,
сидело на подоконнике, болтало ногами...

В синей юбочке с ажурными кружевами...

Вдохновенье приходило сквозь стены,
приходило из ниоткуда,

потому что вдохновенье умеет проходить
сквозь всё на свете,

если вдохновенью этого надо...

Уходить в никуда, приходить из ниоткуда.

Лишь не приходит, когда жена в моём кабинете,
потому что жена занимает всё пространство

моей квартиры...

Потому что жены моей очень много...

Вдохновенью негде присесть:

ни на стуле, ни на диване,

ни просто постоять в коридоре...

Хотя нет дивана в моём кабинете

и, тем более, нет коридора.

Так живу:

то жена приходит, то вдохновенье уходит...

Я привык! Жена уходит – приходит вдохновенье!

Но если вдруг однажды жена уйдёт навсегда
из нашего дома –

мне кажется, вдохновенье уйдёт
вместе с нею...

НЕБЕСНОЕ МАСЛО

Утром я люблю есть салат, заправленный
подсолнечным маслом, потому что светит солнце.
Вечером я люблю есть салат, заправленный
майонезом, потому что солнце не светит.
Однажды вечером я заправил салат подсолнечным
маслом: я с удовольствием ел, мне казалось,
что в каждой дольке мелко нарезанных помидоров,
огурцов, зелени – светится солнце!
Что вся округа от моего салата становится светлее,
потому что в салате светится солнце,
заправленное подсолнечным маслом!

Я решил после ужина забраться на самое
высокое здание нашего невысокого города –
поливать сверху вниз округу подсолнечным маслом,
чтобы вечерние прохожие видели в каждом листике,
цветке, цветнике и даже на асфальте – солнце!
Чтобы в городе нашем стало светлее...
– Смотрите, люди, кругом отражается солнце!
Льётся на вас светлое небесное масло! –
Но от жителей в лучшем случае я бы услышал:
– Идиот! Ты зачем поливаешь нас какой-то
солнечной грязью!

Возможно, поэтому я предпочитаю по вечерам –
салат, заправленный майонезом.

КИПАРИСОВЫЙ ЮГ

У меня в голове живёт птица.

Птица утром просыпается и начинает пускать трели...

Когда я выхожу на улицу, птица вылезает из головы и сидит на моей шляпе, продолжая издавать замечательные трели...

Возможно, она думает, что моя голова — это небольшое круглое кипарисовое дерево, хотя кипарисы не бывают круглыми.

Но птице это совсем не важно.

Ей важно жить в моей кипарисовой голове и по утрам пускать кипарисовые трели...

ВОРКОВАНИЕ ОДИНОКОГО ГОЛУБЯ

Вроде бы, жизнь —
это игра с проигравшим лотом,
а вроде, как труд по сниманию пенки. . .

Или — как обтягивающее трико ногастой спортсменки:
издали красиво,
а вблизи пахнет спортивным потом.

Или повод решить,
что можно жить без прислуги,
или райский отрезок ада, который всех выше.

Или —
воркованье голубей на балконной чужой крыше,
когда в одиночестве ждёшь
приезда подруги.

Или — мечта,
которая уместилась в слове «Свобода»
и, возможно, там останется ворковать
до конца твоего долголетия.

Жизнь — это почти многоточие
в конце судьбоносного междометья. . .
или междометие, сваленное около
мусоропровода.

— У-уррррр, у-урррр, у-урррр . . .

ДРУГ ЗА ДРУГОМ

Два верлибра в одном верлибре

I

Однажды, глядя в чистое летнее небо,
я наблюдал за двумя влюблёнными друг в друга чайками,
и заметил некую особенность, заключающуюся в том,
что чайки летят, следуя одна за другой, –
точнее друг за другом, – а не крыло к крылу.
Видимо, решил я, им так сподручней.

II

Глядя в чистое летнее небо, наблюдая за полётом
двух влюблённых птиц, летящих друг за другом,
я увидел огромный смысл, заключающийся в том,
что влюблённым надо следовать друг за другом,
поскольку если лететь крыло к крылу,
можно нечаянно сломать свои крылья друг о друга.

ВОДНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Два верлибра в одном верлибре

1. КУПАНИЕ ПОСЛЕ ЗАВТРАКА

Выплывешь в море, подальше от берега,
перевернёшься на спину и лежишь в волнах,
распластавшись, как блин на сковородке,
глядя в небо,
а небо огромное и полукруглое,
как большая стеклянная крышка,
накрывшая плоское морское пространство,
похожее на огромную сковородку,
и думаешь, что, может быть,
ты действительно блин. . .

2. КУПАНИЕ ПОСЛЕ ОБЕДА

Выплывешь в море, перевернёшься на спину
и лежишь, удерживаясь на плаву,
распластавшись на волнах,
как медальон говядины на сковородке.
Смотришь в небо, а небо огромное и полукруглое,
как большая синяя стеклянная крышка,
накрывшая плоский морской простор,
похожий чем-то на огромную сковороду,
и думаешь: может быть,
ты действительно медальон. . .

THANK YOU FOR...

Однажды, перефразировав Станиславского,
я написал Советнику президента США
по национальной безопасности
Кондолизе Райс по поводу Грузии так:
«Меньшинства надо слушать, но не слушаться».
Она, конечно,

скорей всего,

может быть, прочла.

Есть тому подтверждение:

почтовый ящик Белого дома отвечает всегда,
что письмо получено: Thank you for. . .

И когда она, уже в качестве

Государственного секретаря США,

приехала в Москву, в аэропорту

или где-то в общественном месте она сказала
в объектив камеры

(точно не помню, но смысл был понятен):

«Мы Грузию будем слушать и выполнять то,
что будем выполнять».

При этом госсекретарь знала, что журналисты,

даже те, у которых нет аккредитации, будут везде,

тем более в общественном месте,

что её, Кандализу Райс, покажут по Первому каналу
российского телевидения,

и что не только первое лицо моего государства,

но и все мои соотечественники

смогут услышать её ответ, в том числе и я,
автор письма.

— Мы Грузию будем слушать и выполнять то,
что будем выполнять, —

решительно сказала она, глядя с экрана телевизора
прямо мне в глаза . . .

Я знал, что госсекретарь США любит стихи Есенина
и даже читает их иногда в подлиннике,
в особенности любит про чёрного человека:

«Чёрный человек

На кровать ко мне садится,

Чёрный человек

Спать не даёт мне всю ночь . . .»

Но знает ли об этом она то, что я знаю —

я не знаю . . .

Хотя по большому счёту, мне в большей степени
хотелось узнать: работает ли почтовый ящик

Белого дома,

отвечает ли всегда, что письмо получено:

Thank you for . . .

В чём, собственно, теперь я не сомневаюсь,

и даже более того...

Теперь я точно знаю, что Кондализа Райс

не знает стихов Важи Пшавелы

и Сажи Вепревадзе...

ЧЁРНАЯ ОБЕЗЬЯНА

Я говорю, что ничего страшного не происходит — жизнь становится лучше, и вспоминаю то время, когда выдавали талоны на муку, сахар и кости с мясом. Когда не было зубной пасты, кроме «Жемчуга», «Помарина» и зубного порошка. Вместо жвачки мы, маленькая пацанва, жевали строительный гудрон, и зубы становились чёрными, зато изо рта шёл приятный строительный запах. Иногда жевали заячью кисленку — и от нас пахло травой. Порой, ближе к обеду, когда домой идти не хотелось, делали из заячьей кисленки маленькие пирожки: заворачивали в молодые (кажется) ольховые листья... и употребляли как пищу..

Девочки на работе смотрят на меня удивленными глазами и говорят, что их родители тоже рассказывали такие страшные сказки. А я отвечаю, что слышал ещё страшнее: отец моей жены рассказывал, что во время Великой Отечественной войны у них в деревенском тылу кушать было нечего — и за год отец съел целый стог сена, чтобы не умереть с голоду... Девушки, словно птицы, сбившись в маленькую стайку, смотрят на меня широко открытыми глазами, ничего не говорят.

А одна вдруг осторожно спрашивает: — «Помарин» это марка смартфона? —

И все дружно смеются. . .

А я начинаю рассказывать им про чёрную обезьяну, которой они в будущем будут пугать своих детишек. . .

СТУЛ НА СТОЛЕ

Стул, стоящий около стола,
если его не поставить на стол, —
будет оставаться стулом,
на котором сидят за столом.
Так детские качели, дающие понять
новую реальность действительности,
в действительности остаются детским аттракционом,
пока не перестанешь мыслить
придуманными образами,
которые могут становиться реальностью,
проделывая путь во времени,
хотя любое движение во времени и пространстве
возвращают двигающееся тело туда,
откуда началось движение . . . Так стул,
поставленный на стол, через определённое время
окажется стоять возле стола,
чтобы на нём можно было сидеть за столом,
и соседская девочка с огромным бантом на голове,
взобравшись на стул, снова будет пристально рассматривать
нарисованный кораблик на чайном блюдце,
полагая, что однажды
сможет пуститься на этом кораблике в плаванье
до Канарских островов,
о которых так часто говорят её родители . . .
Поэтому стул,
стоящий около стола, если его не поставить
на стол —
будет оставаться всего лишь стулом,
на котором сидят.

ЧЁРНО-БЕЛОЕ

Верлибр в одиннадцати верлибрах

I

Не странно ли?

Получишь от женщины чёрно-белую эсэмэску с одним словом, например: «Здравствуй», и ты уже готов бежать покупать для неё цветы, заказывать столик на двоих в приморском ресторанчике, совершенно не думая, что следующее слово может быть: «Прощай»!

II

Ты постоянно удивляешься нечаянным удачам. Вроде, пишешь женщине ответную эсэмэску, а получается интересное изречение, которое вполне можно вырубить в камне.

III

Становится непонятно – то ли продолжать сочинять дальше, то ли взобраться на пьедестал и окаменеть на века, как Пушкин или Конфуций. Нет, как Лермонтов или Байрон... Нет, ты не Байрон, ты другой, как Аполлинер или Губанов... Нет, ты не Губанов и тем более не Аполлинер, ты даже не Есенин... (И совсем здесь не уместен Гандельсман, о котором только что абсолютно случайно поведал Фейсбук), к тому же у тебя нет достаточно точного представления о том, что ты будешь делать на пьедестале.

IV

Стоять с вытянутой рукой,
показывая людям путь в светлое будущее, стало теперь
банальным и никому не нужным занятием
или чудачеством: «Ну, мало ли кто там чудачит!».

V

Занимать ту или иную позицию,
даже с вытянутой рукой, (ноги раздвинуты в коленях,
вдох-выдох) лучше, когда делаешь физзарядку
или занимаешься сексом
с постоянной партнершей...
– А теперь можно перейти к водным процедурам.

VI

Представь на минуту,
если твоя партнерша будет каменной
или отлита из чугуна? Даже если она будет резиновой,
как резиновая кукла «Ксения Собчак» –
Юпитер не сойдет, скажу, с небес. . .
И тебе вряд ли понравится.
Ну, разве что
глупцам в забаву, мудрым в поученье. . .

VII

Но если ты, *лаская хладный стан ее чудесный,*
вдруг содрогнешься весь от мысли той,
что не она, а – ты мертвец?
То что тогда
случится в мире этом,
как не твоё, поверь, разочарование. . .

VIII

Довольно! памятников резиновых не бывает!
А ещё: можно подумать, что секс — это комплекс
упражнений по физподготовке,
который ты не пытаешься преодолеть
во время физзарядки.
— Смотри, пока суть да дело, — потенциальная
партнёрша опять прошла мимо!

IX

Ну чего только в голову не придёт, когда получишь
от красивой женщины всего лишь одну
чёрно-белую эсмэску,
посвящённую и предназначенную только тебе.
Конечно же, следует пригласить женщину на свидание!
Следует, поскольку ты готов на всё ради неё:
дарить цветы, заказывать столик в приморском
ресторанчике, прибираться в своей квартире,
чем-то похожей на грустный опавший сад,
дворник которого уже как месяц в запое;
сочинять притчи, обращаясь к Данте, Гёте, Шекспиру,
Достоевскому, ну и, конечно, к самому себе!
А как же без этого?

X

Складывается впечатление,
что самое удобное выражение,
которое можно применить к жизни — это выражение,
в котором отсутствует любое возражение, поскольку
молчание — это не всегда поступок,
иногда это просто отсутствие речи,
если не считать купленные тобой цветы,
стоящие на столике, который ты заказал на двоих. . .

XI

И главное: ты начинаешь, как бы между прочим,
думать о том, что надо бы дома поменять простыни
на своей односпальной двуспальной кровати.

А вдруг это случится? И молодая симпатичная женщина
разделит с тобой одинокий вечер, переходящий
в длинную светлую ночь . . . Кстати, какие простыни лучше:
в горошек, в полоску, в цветочек?

А может чёрно-белые, как, например,
та её короткая эсэмэска?

МУЗЫКА

1. ЦАРИЦА МИРА

Женщина никогда не думает, что ею движет,
что каждым вечером хочет – сама не знает,
кроме одного: женщина – царица мира!
Даже когда бельё стирает, варит похлёбку,
небо в окне протирает,
шьёт себе платье а-ля Гуччи
с примесью от Черкизона.
Даже, когда надышавшись воздухом Сочи,
поднимает руки к солнцу... Или
выходит из морской волны, как Афродита.

2. ВЗГЛЯД

Может быть, музыка опьяняет, но не настолько,
как взгляд одинокий одинокой женщины.

ЛЕТНИЙ СЕЗОН

Нет, не чудится, а слышится — каждой ночью! —
как томные кипарисы за окном запевают дуэтом.
Как приморский ресторан, освещенный райским светом,
клянётся женщине в любви... Но при этом
хочет расцеловать город Сочи.
И ещё там фигурирует синее платье...
И не раз, между прочим.

ВЫВЕСКА

Однажды я прогуливался по городу, как всегда, в хорошем настроении: было ощущение, что пять дней меня никто не будет тревожить, и можно устроить маленький отпуск. И тут мне на глаза попало яркая вывеска туристического агентства.

Я поспешил к нему и открыл двери.

– Здравствуйте! – поприветствовал я сотрудницу агентства.

– Здравствуйте! – улыбаясь, ответила она.

– Могу я слетать на пять дней в NY?

– А у вас виза есть?

– Нет.

– Тогда нет.

– Как так нет? – удивился я. – Ведь у меня есть пять дней...

ЧЕРЕШНЯ

Она работает в отделе «Для молодых мам», где представлены товары для беременных женщин.

– Сколько вам лет? – спросил я однажды, когда, остановившись около витрины, разговорился с ней о благодатной южной погоде.

– Много, – ответила она, и задала встречный вопрос:

– Разве об этом спрашивают у женщины?

– Извините, – сказал я, посетовав на свою нечаянную бестактность, но поинтересовался снова:

– Вы замужем?

И она посмотрела на меня так, как будто протянула мне белоснежное овальное блюдо, на котором были всего

две перезрелые, и, возможно, ещё сладкие черешни.

КУСТЫ ДЕЙЦИИ ВИЛЬМОРЕНА

Вепрлибр

1

К концу сезона на сочинское взморье приезжают толстые Кошельки, туго набитые пачками денежных купюр, и, как говорят сочинки или местные сочные девушки, эти Кошельки набиты деньгами настолько, что Кошельки носят с собой небольшие портфельчики, куда кладут излишек наличности, что не поместилась в кошельки. . .
Чаще в рублёвом эквиваленте, чтобы можно было без осложнений и мгновенно пузатому Кошельку рассчитаться по счёту.

2

Бывает, что Кошельков сопровождают высокие длинноногие спутницы-секретарши или девушки из фирмы эскорт-услуг. . .
Девушки похожи на цапель (Цапли привлекательны и похожи на девушек из фирмы эскорт-услуг). Девушки-цапли ходят на пятнадцатисантиметровых каблуках, как на шпильках.
Некоторые спутницы ходят в одном чулке в сеточку. При ходьбе из-под короткого платья выглядывает подтяжка для одинокого чулка, она висит, подергиваясь, как язык собаки, измученной жаждой. . .
Что касается платья, то лёгким движением руки платье может превратиться в элегантные шорты...

3

У Кошельков короткие и толстые ножки (видимо, брюки тоже имеют многочисленные внутренние карманы для наличности по всему периметру от верха до низа). Кошельки семят этими ножками, семят по брусчатке набережной, семят по дорожкам и тропинкам парка, семят вдоль Курортного проспекта, семят, имея при этом важный вид, семят, имея при этом всё или почти всё, что может встретиться на пути. . . Или им это кажется, что могут иметь всё.

Если Кошелёк останавливается, спутница останавливается ещё раньше, и в ночном свете подсветки иллюминационных ламп спутница походит на настоящую цаплю, стоящую на одной ноге в сеточку...

4

Как-то жаркой ночью (понятие ночи здесь имеет совсем другое значение – это как вечер, переходящий в лёгкий ужин или ужин, переходящий в длительную прогулку до утра), когда субтропический воздух был похожим тёплой влажностью на влажность морской лагуны, когда пенье многочисленных цикад сливалось с остервенелым кваканьем лягушек – рядом с освещёнными кустами Дейции Вильморена стоял расстегнувшийся Кошелёк в объятьях спутницы-секретарши, которая целовала его, впившись своими острыми губками в толстое лицо так, словно пыталась

как можно больше высосать из его внутренностей то, чего ей не хватало или могло хватить до конца жизни. . .

«Вот это кошелёк, в котором находятся, кроме денежных купюр Евро и американских долларов – золотые монеты! – Сказал я своей сотруднице, глаза которой напоминали глаза маленькой лягушки с открытым ртом». . .

5

На следующее утро, когда мы снова проходили со своей сотрудницей (читай – лягушкой-царевной) около этого места, я остановился и с улыбкой посмотрел в сияющие глаза сотруднице:

«Ты помнишь, как вчера здесь целовали чересчур туго набитый Кошелёк, который был настолько туго, что расстегнулся в поцелуе?».

Сотрудница тоже улыбнулась, повела слегка свои легко накрашенные глаза в сторону кустарника Дейции Вильморена и многозначительно ответила, что помнит, а потом она как бы с грустью вдруг добавила:

«Кабы у вас были такие внутренности, я бы вас проглотила».

И она страшно раскрыла свой маленький ротик, полагая, что могла бы это сделать. . .

FORBES. RU

Вепрлибр

1

Отдыхаю, сидя за столиком
в открытом летнем кафе.
Пью горький капучино с корицей.
Мимо проходит мужчина с собакой.
Я посмотрел на него,
как обычно смотрят на прохожего,
потом на собаку. Всё в порядке – собака на поводке,
только у неё на спине растут крылья,
как у маленького пегаса.

2

Я опять посмотрел на мужчину,
потому что он смотрел в мою сторону,
а может быть,
он смотрел на кафе
или просто на посетителей.
– Странно, где-то я его видел, – подумал я.
«Ничего странного здесь нет», –
ответила собака с крыльями. – «Так и есть, видел!»
«В этом кафе я когда-то работал», –
подумал про себя мужчина
и дёрнулся за поводком,
точней за собакой.
За ними прошла женщина; она несла на плечиках
блестящий артистический костюм.
За ней вторая. Тоже с костюмом на плечиках. . .
– О, сегодня чей-то концерт в «Фестивальном»!

3

Спускаясь к набережной, я опять увидел того же мужчину. На этот раз он смотрел с афиши, что заметно выделялась среди других афиш на пёстрой рекламной тумбе.

Только он был изображён без собаки.

«Может быть, собака улетела . . .» – почему-то подумал я.

Между тем, крыши домов,
автомобильные трассы и пешеходные тротуары,
не говоря о море,
продолжали отражать лучезарный южный полдень,
увенчанный большими арековыми пальмами
и столетними платанами,
как новенькими высотками,
похожими на инопланетные корабли.

4

«Ты, ты, ты и только ты . . .» – доносилось из переполненного зрителями концертного зала.

«У, у, у-у-у!» – подвывала собака,
летая на привязи вокруг зданья,
на стенах которого также
светились большие рекламные афиши . . .

А рядом с «Фестивальным»,
на выбритом газоне сталинского рококо,
сидели странные кошки

и,

словно подпевая в такт песне, мурлыкали:

«Only you-u-u . . .»*

Они тоже были с крыльями . . .

5

Возможно, я никогда бы не вспомнил этот случай,
если бы однажды нечаянно не узнал,
что хозяин собаки,
проходивший мимо летнего кафе, –
возглавил список
Forbes.ru,
как самый богатый эстрадный певец,
доход которого
составил в прошлом году 21 млн. долларов. . .
Вероятно или может быть, совсем не поэтому
у собаки, которую он держит на поводке,
растут крылья,
как у маленького пегасика.

6

Кошки у «Фестивального» до сих пор поют:
«Only you-u-u. . .»

* Only you – Только ты. . . (англ.)

СЛУЧАЙ С ШАЛЯПИНЫМ, ИЛИ ПРОСТО КСЮША

Вепрлибр

1

Фёдор Иванович Шаляпин до революции 1917 года,
а точнее до 10 сентября 1916 года, любил отдыхать в Сочи.
Он давал концерты и выступал в самых знатных домах,
например: «Виле Вере», принадлежавшей
местному предпринимателю Костарёву.
«Ви-и-ила Вера-а-а-а . . .», – часто напевал про себя
Шаляпин, когда после ужина спускался к морю,
чтобы любоваться белыми чайками,
пронзающими счастливыми криками
голубое пространство, развалившееся,
если отвернуться от моря и посмотреть по сторонам,
на тёмно-зелёных кипарисах и на хребте
предгорий Кавказских гор.

2

На даче Стахоновича произошёл
с моим знаменитым земляком
трагический и пренеприятный случай,
если не сказать хуже – преступление . . .
Господи! ну зачем понадобилось рабу божьему
юродивому армянину Абраму
залезать через окно в ночную комнату богатой дачи,
где отдыхал певец, валяясь на смятых простынях
неизвестно как и с кем . . .
Может быть, юродивый Абрам хотел пошутить,
как один из героев фильма «Служили два товарища»,
крикнув в ночной воздух:

– Рюмки вверх!.. –

Фёдор Иванович Шаляпин, как другой герой этого же фильма, которого играл певец всея Руси советской – Владимир Семёнович Высоцкий – достал из-под подушки револьвер и убил шутника наповал.

На Шаляпина так же, как на героя Высоцкого, завели уголовное дело, которое впоследствии, ввиду особой обстановки предполагаемых событий, было прекращено по имеющимся налицо признакам «необходимой обороны»... Хотя многие из старожилов до революции 1917 года утверждали, что в деле была замешана одна важная особа, точнее супруга одного важного государственного чиновника, имя которой до сих пор остаётся неизвестным, в отличие от имени юродивого армянина, пытавшегося, по всей видимости, по приказу свыше или по глупости подержать свечку или рюмку над ложей знаменитого певца...

3

– Как тебя зовут? –

спросил в фильме герой Высоцкого (читай – Шаляпин) даму, которая в тот злополучный час всхлипывала в носовой платочек, оставаясь в постели в одной ночнушке.

– Ксюша, – ответила та, а потом тихо добавила. –
Нестеренко...

СУББОТНИЙ ИНТЕРЬЕР

Вепрлибр

1

На столе расставлены чашки с блюдцами,
вооружённые серебряными ложками.

Оранжевый абажур позапрошлого века
смотрит сверху вниз, отбрасывая тень,
как будто от прабабушки.

В глубине комнаты стоит беременный комод,
над ним возвышается хрустальная ваза с цветами,
порхает футляр гербария, в котором четыре бабочки,
другие бабочки не уцелели, когда в квартире делали
косметический ремонт. Двумя дорожками,
скорее китайскими, квартира перекрещена
от прихожей до гостиной и от кухни до кладовки.

Непонятно: то ли это благословение свыше,
то ли крест. . . *воссиял еси*. Хозяйка примеряет обновки.

Любуется перед зеркалом: бежевой кофточкой,
юбкой с разрезом выше колен
и маленькими босоножками. . .

Она циркачка. Она работает в цирке.

2

Он чистит ботинки обувной щёткой,
потом доводит до блеска куском фланелевой материи
от рубахи. Костюм висит на вешалке, новые носки лежат
на виду; от них исходит свежесть! Старые носки стирать
бесполезно. Галстук висит на крючке, как змея,
которую не завязать. Он знает, что пойдёт на свидание
без галстука, что во дворе на него будут лаять,
как на пугало, дворовые собаки.

– Фу! – крикнет он в воздух. И собаки поймут, чувствуя запах одеколона, которым пугало не пользуется, что лаять не надо. Одна из собак скажет по-собачьи: «Это, наверное, к Тоньке из второго подъезда, она кормит нас колбаской».

– И ещё всякой вкуснятиной! – добавит другая. – Пусть проходит! Тяф!

– Тяф-тяф! – поддакнет другая. – Он клоун. Он работает в Цирке.

3

Семь вечера . . . Он просит разрешения выкурить сигарету. Закуривает. Осторожно кладёт зажигалку рядом с серебряной ложкой. Говорит, что во дворе его чуть не покусали собаки . . . *отогнал еси*. Она улыбается, говорит, что собаки у них во дворе не кусаются; достаёт из серванта бутылку вина и ставит на стол. Он понимает, что бутылка вина – это не повод остаться на ночь. Он любит бежевой кофточкой, юбкой с разрезом выше колен и, конечно же, маленькими босоножками. Она чувствует это . . .

4

Он понимает, что в этой комнате ему хорошо и уютно, и даже прабабушкин абажур, который большим ярким глазом с расширенным белым зрачком смотрит на стол и не может насытиться увиденным, не кажется атрибутом мещанства . . . Но его можно попросить погасить. Но это после . . . – думает он. – Надо ещё открыть

бутылку и красиво разлить . . .

— Кстати, а где фужеры? —

— Здесь! —

Она ставит на стол два фужера на тоненьких ножках, чем-то напоминающих две прозрачные юбки без разреза двух маленьких статуэток стеклянных акробатов, стоящих (каждая) на одной руке . . . Ап!

5

Он тушит в пепельнице сигарету, рассказывает о том, что в детстве мечтал быть пожарником, что в Одессе, куда они переехали с молодой женой, решил стать артистом цирка . . . *предстал еси.*

Что мечта сбылась, а семья распалась.

Она внимательно слушает или делает вид, что слушает, потому что рассказывать ему больше нечего, разве что про гербарий, в котором четыре бабочки, что другие бабочки не уцелели, когда в квартире делали ремонт. Про собак она уже рассказала (они не кусаются!) . . .

Она улыбается и произносит тост:

— За наше цирковое знакомство! —

Он пьёт за перламутровые пуговицы, что блестят на её бежевой кофточке, любит юбку с разрезом выше колен... И, конечно же, маленькими босоножками.

6

За окном сгущаются, словно сливки, густые сумерки оваций листвы, циркачка подходит к окну, до конца раздёргивает штору . . .

— Ап! — И на арену желаний вот-вот выйдут

дрессированные звери: леопарды страстных объятий,

тигры и львы жадных поцелуев,
готовые лететь сквозь горящий обруч страсти,
стоять и прыгать на задних лапах восторга.
Гонимые хлыстом крепости креплёного вина,
они покажут под оранжевым куполом
разнообразные номера и даже смертельный номер
«Алле-Оп!»,
когда дрессировщица,
как бы избавляясь от падения *греховного*,
положит голову в открытую пасть
бенгальского тигра.

7

Циркачка, лёгким движением руки гасит свет,
чиркает зажигалкой и зажигает
бенгальские свечи.

— Ап!

КЕФИРНЫЙ РОМАН

Вепрлибр

1

С некоторых пор,
когда узнал, что кефир надо пить свежим –
я смотрю дату изготовления или спрашиваю о том
у привлекательной, очень стройной продавщицы,
когда делаю покупки в магазине продуктов,
что стоит на склоне горы недалеко от моей студии. . .
Когда захожу в магазин – здороваюсь. Продавщица,
приветливо улыбаясь в ответ, выходит из-за прилавка
в торговый зал так, как модель выходит на подиум,
и говорит: – Здравствуйте! Я чем-то могу вам помочь
в выборе продуктов? –
На продавщице,
как на продавщице давних советских времён,
одет белый производственный халат, только халат
не по-советскому короткий,
и в большей степени походит
на ночную рубашку с открытым верхом и кружевами,
чем на производственную одежду.
На длинной шее у продавщицы блестят чёрные,
как её глаза и волосы, большие короткие бусы,
чем-то напоминающие спелые сливы;
в ушах поблескивают золотые серьги со стекляшками;
на пальцах обеих рук – золотые кольца: одно с камнем,
другое, вроде, с бриллиантовой крошкой,
третье простое, но толстое. На запястьях – тоже
золотые украшения, а одно украшение в виде
маленькой змейки с зелёными глазками:
эта змейка все время пытается уползти
в белый рукав халата...

2

Я представляю,
что продавщица живёт в богатом частном доме
с видом на море и внимательным штатом домработниц,
что её муж большой начальник, работающий в МВД
или городской администрации,
а, может быть, вообще в ОАЭ или ОПГ (читай – банке)!
Что у них в большом саду,
кроме гидромассажного бассейна,
крытого мангала и прочего инвентаря,
стоит большая беседка, вероятно, византийского стиля,
украшенная кованными железными змеями,
обвивающими толстые гладкие столбы,
чем-то напоминающие ноги слона.
Вероятно, по вечерам они вдвоём с мужем,
сидя в беседке и наслаждаясь шёпотом листвы,
возможно, оливкового дерева или магнолии,
а, может быть, ароматом благополучия, исходящего
от пятичленных цветков ядовитого олеандра,
наблюдают заходящее солнце.
При этом важный, усидчивый муж, точнее лицо
предпринимательской национальности,
а, может быть, вообще «арабский скакун»,
обнимая её за талию одной рукой,
гладит другой рукой по плечу,
а третьей рукой – по её ноге, нежно перекинутой,
как плеть, через его крепкие передние ноги,
похожие чем-то на ноги центавра (читай – кентавра).
Ну, а четвертой рукой он листает, по всей видимости,
распечатанные на принтере банковские выписки,
представленные ему банком . . .

3

Я полагаю,
что в пристроенном гараже и в гараже,
расположенном у гостевого домика, стоят их четыре
роскошных автомобиля, на одном из которых, —
возможно, это «Lada Kalina», —
она любит кататься по выходным,
хотя, скорее всего, она предпочитает кататься
на своём «арабском скакуне», хлестать его плетью,
лететь по кругу широкого
и коротко подстриженного газона,
расположенного вблизи дома и предназначенного
для игры в кавказский golf, но тут же опровергаю
свою догадку, поскольку продавщица, вроде,
работает без выходных.

Похоже, что у неё вечная семидневка
и к тому же без перерыва на обед.
Хотя по поводу мужа, возможно, не ошибаюсь, —
безымянный палец её левой руки
украшен нескромным обручальным кольцом
толщиной с два обручальных кольца,
вроде, из белого золота.

Может быть, — снова думаю я, — она любит
золотые украшения? Может быть,
она выходит на работу только для того,
чтобы продемонстрировать их,
как свою привлекательную внешность?
По национальности она армянка. Она красивая,
можно сказать, что она — красиво-хорошая,
поскольку у неё действительно хорошая фигура
и красивые украшения. Кажется, что она хорошеет
с каждым днём...

4

Я прерываю свои размышления и, осторожно заглядывая в её огромные глаза, в которых может поместиться гора Арарат и ещё несколько территорий, принадлежавших в прошлом Армении, спрашиваю о свежести молочных продуктов, а потом – снова и снова – о свежести других продуктов, более дорогих, в основном импортного производства, и продавщица, с радостью отвечая на мои вопросы, снова и снова, будто расплываясь в счастливой улыбке по всему периметру небольшого магазинчика, который она, по всей видимости, держит в собственности, отвечает мне:
– Просроченные продукты не держим. . . –
При этом она, улыбаясь, показывает свои безупречные, блестящие жемчужные зубы, словно они были только что отполированы свежим кефиром, поставляемым в магазин с некоторых пор, кажется, прямо из Турции.

5

И я, наполняя корзину самыми что ни на есть свежими продуктами, думаю о том, что сказать женщине, что она красивая не так сложно, сложнее сочинить для неё красивый мир, если, конечно, женщина сама не сочинит его прежде. . . Или не заведёт «арабского скакуна».

МОЙ ВЗГЛЯД НЕ СГИБАЕТСЯ В ЛОКТЕ

Три верлибра в одном верлибре

I

Если

в салоне красоты или парикмахерской не тонируют,
я иду дальше, как прежде седым и стареющим,
пока не найду салон, где тонируют.

Я не знаю, как это происходит – тонирование,
но мастера ножниц и бритвы (читай – Зверевы)

это знают не понаслышке,
и предлагают два, три варианта,
чтобы спрятать седину и омолодить.

После тонирования седина исчезает на месяц.
Молодеешь на глазах. Глаза начинают проказничать,
особенно когда идёшь с работы по набережной
мимо коротких юбок... А то и вообще
мимо «купальников», ходящих на каблуках:
цок-цок-цок. . .

II

Если

начинает болеть печень или желудок,
щемить сердце или хромать нога, болеть поясница
или гложуть ухо – я спешу к врачу. Стучу в дверь
медицинского кабинета и, входя в кабинет,
спрашиваю: «Можно?».

Врач-терапевт – молодая красивая женщина –
сидит за рабочим столом так, что её колени
смотрят мне прямо в глаза. Она не успевает ответить,
как мой любопытный взгляд
впивается в толстые откровенные ляжки,

нежно выглядывающие из-под её белого халата
и остаётся там до тех пор, пока врач-терапевт
не выпишет мне лекарство и не назначит процедуры...
Но этого моему взгляду мало, — он попытается
залезть под халат. Но взгляд не рука,
чтобы можно было согнуть его в локте.
Поэтому он совсем не торопится
покидать своё облюбованное место,
пока его не выгонят: брысь!

III

После

процедур и лекарств я снова иду на работу
по набережной мимо коротких юбок, а то и вообще
мимо «купальников», ходящих на каблучках:
цок-цок-цок. . .

И мои глаза снова и снова,
со страстью какого-нибудь капитана Флинта, глядят туда,
даже несмотря на то, что мой взгляд не сгибается в локте,
куда смотреть в моём возрасте просто необходимо
и полезно для здоровья. . . И на море тоже.
Особенно, когда волна бежит за другой волной,
а потом, напрягшись всем своим голым, мокрым телом,
как бы приподнимаясь над морем
и раскидывая руки для объятий, —
вдруг ложится на другую волну,
настигнув её у берега. . .

В ГОЛОВЕ КАМЕННОГО ДРАКОНА

Вепрлибр

1

Мой кабинет походит двумя полукруглыми балконами
и двумя – от пола до трехметрового потолка –
панорамными окнами – на голову двуглазого дракона.
Я захожу в него по длинному, как шея чудища, коридору;
иду, делаю поворот налево, как будто поднимаюсь
на ступеньку выше,
и оказываюсь прямо в голове дракона.
Там стоит мой круглый стол;
он совсем не походит на стол писателя,
поскольку – круглый,
предназначен скорей всего для кухни,
чем для кабинета и, тем более, головы. . . Иногда
по праздникам, иногда просто так
я накрываю стол узорчатой скатертью
(вроде как из полиэтилена) – и на столе,
как на скатерти-самобранке
или как по щучьему веленью,
хотя щуки в приморском крае не водятся,
появляется: стеклянная ваза с фруктами,
ваза с печеньем, чайный фарфоровый прибор,
хлебница с хлебом, салатница с салатом,
тарелка с супом, ложки, вилки (вроде серебряные) . . .
А если я ожидаю жену, живущую в другом городе,
лететь до которого часа три –
на столе вырастают живые цветы,
и голова каменного дракона благоухает
тонким ароматом праздника цветочных лепестков. . .

3

Но в основном на столе стоит ноутбук –
небольшая пластмассовая папка,
похожая на пульт управления от каменного дракона;
рядом лежат распечатанные на принтере листы бумаги,
они как будто записаны моим ровным почерком,
походят на руководство по эксплуатации
или на высохшие слепки давно минувших дней.
Тут же может оказаться маленькое овальное зеркальце
на блестящих ножках, маникюрные ножницы, пинцет. . .
Можно увидеть флешки, пустые файлы, ручки,
чашку с остатком недопитого кофе,
расчёску-фен, похожий на маленький кондиционер,
зажигалку в пенале из крокодильей кожи,
привезенную мне в подарок из Таиланда,
открытую пачку сигарет «Dunhill»
(я ещё не могу бросить курить), футляра
для солнцезащитных очков, визитки, похожие
на банковские карты Сбербанка и Промсвязьбанка
с заморскими логотипами «VISA» и «MasterCard»,
как напоминание о том, что когда-то наша страна
не имела своей платежной системы
(или нам всем это казалось).

4

Когда я сажусь за стол в белое кресло с подлокотниками,
обитое цветной китайской тканью, чем-то похожей
на узор кровеносных сосудов, я представляю,
что сижу в голове китайского дракона,
начинающего свой бесстрашный полёт
над горой Бытха, где мой дракон
свил когда-то своё каменное гнездо

вместе с другими такими же драконами;
одноглазыми, двуглазыми, трёхглазыми
и даже четырёхглазыми, и одним пятиглавым,
хозяин которого всё ещё ходит с золотой цепью с палец,
а в холодную погоду напяливает на себя
малиновый пиджак, оставшийся у него как трофей
боевого времени во время разгосударствления
и приватизации общей собственности, и поёт с балкона
про Катюшу – «Расцвели яблони и груши»
или «Из далека долго течёт река Волга»...
Правда, эти четырёхглазые
и пятиглавые каменные драконы,
поглядывающие на мир своими квадратными глазами,
не летают поодиночке, а иногда мне кажется,
что они вообще не умеют летать.

ОНИ, БУДТО ЛЮДИ

Вепрлибр

1

Это дерево «Олень», дерево «Осьминог» и «Танцующее дерево». Я с ними дружу. Правда, «Танцующее дерево» вначале называл «Танцующим Шивой», но дереву это не понравилось, и я стал звать его «Танцующим деревом».
Они, будто люди, подумал я...

2

Когда я выхожу из дома, где находится моя студия, и спускаюсь к морю по склону горы – вместе со мной к морю, будто по ступенькам, спускаются многочисленные деревья и кустарники дикорастущего лиственного леса. Я различаю в зелёной массе самые необычные деревья: одни – походят на маленьких лесных зверушек, другие – издали походят на стадо зелёных барашков, третьи – извиваются, как горные тропы, четвертые – стоят гордо, как гордые горцы, пятые – простирают к небесам свои нежные руки, будто хотят дотронуться до неба, что бы поблагодарить его за тёплый дождь и нежаркое солнце. . .
Ну, а шестые и седьмые, среди которых есть и моё «Танцующее дерево», словно, приподнявшись на цыпочках, танцуют вместе с родственниками и знакомыми, и дружно хлопают в ладоши:
«На Кавказе есть гора самая высокая...»

3

У большой дороги, ползущей с горы, похожей на огромную – закатанную в асфальт – змею, я встречаю дерево «Олень» (на самом деле дорога совсем небольшая по сравнению с дорогами больших городов).

– Здравствуй, «Олень-одолень», – приветствую дерево.

– Здравствуй, генацвали – отвечает дерево.

– Сегодня твои рога очень красивые, и, кажется, стали ещё больше! –

Дерево улыбается, радостно смотрит на меня хитрым оленьим глазом.

Дерево «Олень» я тоже вначале называл по-другому, но дереву так понравилось, что однажды я сравнил его дикий глаз, точнее небольшое вытянутое дупло, с оленьим глазом, а потом рассказал о северных оленях, которые живут далеко-далеко на Севере, что дереву непременно захотелось называться «Оленем».

Они, будто люди, думаю я...

4

Чуть позже я придумал к «Оленю» приставку «одолень», потому что «Олень-одолень» преодолел и продолжает преодолевать трудности, связанные с выживанием в предгорьях Кавказа, поскольку с одной стороны – шипит застывшая в асфальте змея, с другой – грохочет строящийся жилой комплекс, с третьей – выравнивают площадку для стадиона...

Помимо всего прочего, дерево «Олень-одолень», по мнению местной целительницы, обладает целительной силой: лечит от всех болезней.

И не только людей, но и птиц.

Не зря птицы летят к дереву,
салятся на его ветвистые ветки
и сидят, пуская в мир свои небесные тонкие трели,
будто в знак благодарности . . . Или выздоровления.
Они тоже люди, думаю я...

— До свидания, «Олень-одолень» — Прощаюсь я
с деревом. — Завтра увидимся снова! —
«Олень-одолень» улыбается, на прощание,
подмигнув мне хитрым глазом: «До свидания, друг!»
Они, будто люди, думаю я...

5

Однажды «Олень-одолень» поведал, что деревья
не любят, когда их гладят, как собак и кошек.
«Разве можно гладить прохожих при встрече?» —
возмутился «Олень». Хотя дерево «Осьминог»
на этот счёт имеет противоположное мнение,
потому что растёт недалеко от детской площадки,
а дети любят погладить: то собачку, то осьминожку...
Каждый утро деревья приветствуют жителей земли;
одни — своими многочисленными руками,
другие — хвойными веточками верхушек, похожими
на треугольные шапочки,
третьи — вечнозелеными листьями-платочками,
а некоторые просто, молча, наблюдают за нами.
С горными деревьями тоже следует дружить:
давать им имена и называть по именам —
они, будто люди . . . Но я предпочитаю пока
только здороваться с ними... и не более,
как, впрочем, с соседями дома, в котором я проживаю,
где на самом высоком этаже находится
моя жилая *studio*. . .

AMORE PROXIMI

Верлибр в десяти верлибрах

I

В городском подземном переходе,
почти в самом центре гулко-го тоннеля,
я увидел старуху-нищенку. Она,
расположившись на картонке из-под коробки,
сидела и крестилась, время от времени протягивая
скрюченную руку за милостыней, словно таким
своеобразным скрюченным жестом
благословляла прохожих. . .

II

Господи, казалось, что люди, проходя мимо,
кланялись нищенке. Проходили и кланялись.
А она крестилась и благословляла,
одетая в длинное старческое пальто,
неизвестно какого цвета, на котором болтались
две чёрные пуговицы, словно два оторванных
от действительности глаза.

III

Подземный переход походил на тоннель,
ведущий из одной жизни в другую.
Я задался вопросом, перефразировав
знаменитое утверждение: почему люди спешат?
Неужели, лучше жизни может быть
только та жизнь, которой мы не живём?

IV

А ещё подземный переход походил
на помещение странного архитектурного
сооружения неизвестного храма,
что провалился ввиду роковых событий
не то в канаву, не то в яму,
но продолжал служить
во славу здоровой мысли, но вопреки
здоровому смыслу.

V

Нищенка крестилась и благословляла,
благословляла и крестилась.
Люди проходили и кланялись . . .
Не это ли было неким ритуалом,
заставляющим чувствовать в себе
не только любовь к ближнему (*amore proximi*),
как, впрочем, и её отсутствие,
а также своё спасение
как через милость,
так и поклонение?

VI

Люди проходили и кланялись...
Вероятно, это походило на праздничное
буддийское действие или акт поклонения,
когда китайскому болванчику Будды
кланяются его служители.
Разве можно было сравнить происходящее
с ежедневным движением людского потока?

VII

Нищенка крестилась и благословляла . . .
Но мне почему-то стало немного стыдно за то,
что, проходя мимо, я тоже поклонился,
при этом бросив взгляд сочувствия и сострадания,
а также несколько лёгких монет
в полупустую коробку, преданно лежащую,
как собака, у её ног.

VII

Люди проходили и кланялись...
Почти в самом конце тоннеля,
у выхода в другую жизнь, я увидел
несколько подростков-музыкантов. Бритоголовые,
как кришнаиты, они, виртуозно играя на своих
незатейливых музыкальных инструментах,
приплясывали так, как будто плясали
вальпургиевы пляски...

VIII

Мне ничего не оставалось,
прежде чем выйти из тоннеля и раствориться
в другой жизни, кроме того, как снова поклониться
и бросить взгляд удивления и благодарности
в открытый футляр из-под контрабаса,
заполненный почти доверху
крохотными пожертвованиями.

IX

Выйдя из подземного перехода, я увидел
ещё одного нищего. Он сидел на асфальте так,
что его протянутые ноги, выставившись
из задранных кверху штанин,
походили на протянутые руки,
изъеденные страшной
болезнью...

И я не удивился бы тому, что если кто-то,
проходя мимо него, положил бы камень
в его протянутую руку.

НА СТРОИТЕЛЬНОМ ЯЗЫКЕ

1. СТРОИТЕЛИ ОЛИМПИАДЫ

Ужинаю в любимом кафе «Южные ночи».
Впервые слышу, как два подвыпивших мужика
неожиданно заводят речь о поэтах и поэзии.
Я оглядываюсь, чтобы рассмотреть их,
но рассматриваю быстрым взглядом
только их затылки: один слегка лысоват,
другой покрыт русыми волосами. . .
Не скрою, что я стараюсь подслушать
или услышать то, о чём говорят строители.
Громко играет музыка,
но я всё же различаю несколько фраз:
«Лермонтов – это подростковый поэт»,
«С милого севера в сторону южную. . .»,
«Пятистопный ямб. . .»,
«Поэт отвечает на злободневные темы,
волнующие народ». . .
Потом один мужик говорит другому:
– Ну, давай показывай! –
И они начинают говорить на строительном языке:
видимо, обсуждая чертёж
какого-то громадного строения,
которое невозможно демонтировать. . .

2. ТРАКТОР

За окном больничной палаты начинает
тарыхтеть трактор. . . Он, вероятно, выравнивает
площадку для новостройки или утрамбовывает
вчерашний мусор. . . Кашляет.
Пускает дым кольцами, как больной из палаты,

что прямо по коридору.

Только в отличие от большого, трактор состоит
из железа; железные промасленные шестеренки,
поршни, клапаны и даже гидравлическая система,
не говоря о железной дверке
и железно выбитом
лобовом стекле . . .

Трактор лязгает железными гусеницами,
грохочет железными крыльями
и постепенно поднимается над землей...

Вот я почти его не слышу.

Слышу голоса птиц, несущихся вслед
улетевшему в небо железному зверю,
ставшему в сиянье угасающего дня
серебристой тучкой, которая завтра,
возможно, прольется серебристым дождём
или железным трактором . . .

Или больным из палаты, что прямо по коридору.

СТОЛ ВЬЕТНАМЦА

Однажды пришёл в гости к богатому вьетнамцу. Вьетнамец постелил в одной из комнат своей московской съёмной квартиры большой ковёр, позвал жену. Жена осмотрела ковёр, тщательно прошла по ковру маленькой щёткой, ещё раз прошла тряпочкой, и, радостно улыбувшись, стала носить из кухни тарелки, чашки, столовые принадлежности и расставлять их на ковре.

Затем жена вьетнамца внесла в комнату кастрюлю, видимо, с каким-то горячим вьетнамским угощением. От кастрюли исходил приятный рисовый запах и еле уловимый аромат острых специй. Кастрюля была большой, и когда маленькая хозяйка несла её, мне показалось, что кастрюля бежала сама по себе на своих проворных быстрых ножках, а потом горделиво уселась, будто напоказ, прямо во главе ковра.

Затем жена вьетнамца, будто стоя в кастрюле, поклонилась в мою сторону, соединив худые ладони вместе, вероятно, таким образом давая понять, что можно рассаживаться. Вьетнамец тоже показал жестом, что можно садиться, и мы наконец-то сели на пол, точнее — около ковра, скрестив ноги, будто индусы или какие-нибудь фанаты из клуба Хатха йоги, чтобы начать трапезу.

И тут я спросил богатого вьетnamца,
удивляясь такому необычному гостеприимному приёму:

– А у вас стола нет?

– Не-ет, – важно ответил богатый вьетnamец,
растянув лицо в дружеской улыбке,
и непринужденно добавил:

– А для чего стол? Стол маленький,
а пол большо-о-ой! –

И вьетnamец распростёр свои длинные руки
в разные стороны, будто пытался нащупать
недосягаемые края своего гостеприимного пола
или дотянуться до недосягаемой границы
своей далёкой родины.

ГОРНЫЕ ВЕРШИНЫ

Две маленькие легенды

1. КАМЕННОЕ ДЖАКУЗИ

Если от водопада Псыдах
пойти по течению горного ручья Бекишей,
то можно увидеть Шапсуг.

Если от водопада Шапсуг
пойти против течения горной реки Бекишей,—
обязательно увидишь Псыдах.

— Ходи туда, ходи сюда...— говорят адыги.—
Камень-вода найдёшь!

Так начинается Псычеф — каменное джакузи.

2. ТОСТ-БЫЛЬ

На Кавказе старые горцы говорят,
что, когда Гагарин пролетал над Землёй,
он встретил Бога.

Бог пригласил его за стол.

Они пили «Арагви», пели кавказские песни. . .

Недаром после полёта Гагарин любил
приезжать на новый Ахун
и распевать песни с бородатыми аксакалами. . .

— Где же ты, моя Сулико?!

Так начинается космос — родина Кавказа.

ДЕРЕВО НАЗЫВАЮТ ПЛАТОНОМ

Поэма диалогов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

— Разуму необходимо питаться, поэтому он создал этот мир, чтобы есть досыта.

Не надо тешить себя мыслью, что ты проживёшь несколько жизней, такое бывает, но ты никогда об этом не узнаешь. Жизнь одна и она не постижима.

— Что же вы натворили? — спросил однажды творец других творцов и стал творить то же самое, но с большей прилежностью и усердием, чтобы доказать правоту поставленного им вопроса.

— Когда другие творцы увидели, что натворил их коллега, они ужаснулись от содеянного им, но с радостью вздохнули, что в своё время не признали в нём соратника по коалиции.

Говорят, что однажды творец встал с трона и спросил в небо:

— Боже! Я есть ты или ты есть я?

— Азм есмь! — осветилось ему.

Творец оглядел землю, на которой творил много лет и сказал, что любовь к этой его земле безмерна, как безмерна и необъятна земля, содрогнувшаяся под ним.

II

– Дерево, скорее, имя тебе Платон, а не платан – сказал иноземец, улыбнувшись мудрому дереву. – Но я понимаю, что и это ты понимаешь.

– Однажды Платон коснулся неба руками и врос в небо, так стоит до сих пор, пытаясь сохранить тайну своего земного существования.

Прежде чем заговорить, иноземец долго и молчаливо рассматривал его причудливое строение, как причудливое, словно в мудрых наростах времени, строение его тела.

Иноземец опускал свой взгляд в небо, то поднимал его к основанию, будто мир стоял вверх ногами.

– Дерево по своей принадлежности к человеку молчаливо, но молчание умеет говорить, ровно также, как со мной говорит мой разум.

– Разве разум твой? Если нет, тогда разум есть Бог, как слово, произнесенное деревом, которое невозможно услышать простым человеческим ухом.

– Слышащему да слышится . . . Вопрошаемому да осветится.

Обращаясь к дереву – ты обращаешься к дереву.
Обращаясь к человеку – ты обращаешься к человеку.
Обращаясь к Господу нашему –
ты обращаешься к Господу нашему.

И его творенье – во благо, как нет во благе предела.

III

Благодарность дерева к человеку заключается в том, что человек пытается оберегать дерево от вероятной стихии, возвращать его, поливая водой, даже когда дождь на время забудет о своём предназначении.

Благодарность дерева к человеку заключается в том, что человек заботится о дереве, как о домашнем животном, полагая, что, в конце концов, сможет использовать его в своих целях.

Благодарность к человеку исходит только от домашних деревьев, ровно так же, как от домашних животных, но никак не от диких, потому что с дикими деревьями человек находится в стадии войны, как творец, развязавший войну в чужой стране.

— Разве может человек находиться в стадии войны с деревьями, когда деревья не умеют защититься от оружия, используемого человеком не только против деревьев, но и своих братьев?

День постоянно ускользает, начнёшь ли его с утра или с вечера.

IV

— Одинокое дерево, почему на твои ветки садятся птицы ровно также, как садятся на ветки деревьев, стоящих в соседних садах?

— Спроси, чужеземец, об этом у птиц.

— Как же мне спросить птиц, если я не знаю птичий язык?

- Тогда, почему человек говорит о божественном, когда не задаётся вопросом, почему птицы летят к людям с благой вестью, а не звери?
- Потому что птицы – это подобие ангелов, и они несут эту весть в клювах.
- А ты, иноземец, разве, не подобие божества, что спустился на чужую землю?
- Нет, я такое же существо, как и ты, только человек.
- Твоя мудрость сравни мудрости ребёнка, но моя мудрость ещё меньше.
- Ты шутишь?
- Разве тебя больше интересует – кто ты, чем благая весть?

Иногда кажущая явность становится явной лишь потому, что это не может быть с точки зрения неявного.

- Означает ли это, что с точки зрения Платона кажущаяся явность становится явной только тогда, когда этого желает Платон?
- Спроси, чужеземец, об этом у птиц, если говоришь на языке Платона.
- Но птицы улетают, когда к ним приковывается внимание.

Вечер начинается там, где кончается восход солнца.

- Тонкие нити Рая и Ада пронизывают наш мир, ежедневно унося с собой души тех, кто появился однажды и пытался здесь жить, прежде чем уйти из жизни.
- Разве жизнь страшна?
- Попробуй доказать обратное, – ответило дерево. – Жить на земле – это и есть благая весть.

- Кажется, что птицы знают больше, чем полагают об этом люди.
- Может быть оттого, что птицы ежедневно исследуют тонкие нити, исходящие из Рая и Ада, пронизывающие наш бранный мир, как холстяные нити пронизывают пространство, образуя при этом плотную и надёжную холстяную материю, из которой можно сшить плащаницу.

- Птицы? Но у этих птиц нет крыльев.
- Только клювы.

V

В чужой стране даже угол стоит во главе угла.

- Почему Катар подобрел к России, а Россия к Катару?
- Потому что Катар – это катет, а Россия – это ось. А катет и ось две вещи одного ряда, и всегда находятся рядом, как в электричестве плюс и минус.
- А как же биссектриса с гипотенузой?
-
-

VI

– Какая же всё-таки гадость эта ваша заливная политика!

VII

- Иноземец, скажи, почему твоё любопытство больше, чем твоё понимание?
- Я пришёл в вашу страну жить, и теперь любопытство моё равно любопытству ребёнка.

- То, что в конце пути пропасть, не знает и тот, кто предлагает пройти по нему.

И когда путник отправился в путь — было утро
и было светло, и птицы говорили
на своём птичьём языке о счастье,
но потом настал вечер, и стало темно,
и птицы снова говорили о своём счастье.

Путник был тоже счастлив. И когда засыпал,
закутавшись в шорох летнего леса, он слышал
сквозь сон, как птицы затихли.

И была ночь, и было темно.

И только крики лесных тварей, доносящиеся сквозь сон,
рисовали в его воображении страх. И путнику было бы
ещё страшнее, если бы не ружьё, которое он прижимал
к себе, как прижимал когда-то к себе свою девушку.

— Дерево, почему путник не разжег костёр,
было бы теплее?

— Страшно разжигать костёр, когда ты один в чужом
лесу, потому что огонь привлекает внимание.

— А почему путник один, я не знаю. Деревья тоже
стоят друг от друга поодаль. А те, что растут рядом,
ведут вечный спор, кто сильнее.

— Я — человек, а человек всегда прав по отношению
к дереву, если стоит возле него с пилой или топором.

— Иногда глупость оказывается спланированным
действием, из чего можно получить хорошую прибыль
или положение.

— Иногда глупость выдает весьма умного человека, что не обращает на вас внимания или не желает вашего расположения, а иногда человека, не способного получать хоть какие-то знания по причине глупости.

И была ночь, и было темно.

VIII

Иноземцу снился сон, будто он проснулся в незнакомом доме, лёжа на кушетке, расположенной на застекленном балконе. Было утро. Пахло солнцем, точнее солнечной пылью. Вверху на крыше любовно ворковали голуби, и ему казалось, что скоро в его необычной рискованной жизни, прожитой наполовину, появится обычная женщина, с которой он будет жить вечно.

IX

— Ему было светло во сне.

ЭПИЛОГ

— Я — человек, а человек всегда прав по отношению к дереву, если стоит возле него с пилой или топором.
— Дерево раскинуло ветки для объятий, но человек решил отрубить их, чтобы дерево стало ещё красивей. . .
— Или для того, чтобы разжечь костёр.

ПЕСНЯ О МОРЕ

Салют в салюте, я – в себе,
сезон – в разгаре, в сентябре. . .
В далёкой – южной стороне
приятно всё же мне
под пальмой вечером сидеть,
о море песню петь.

Луна – в луне, седло – в седле,
корабль – в далеком корабле. . .
В далёкой – горной стороне,
приятно также мне
верхом на лошади сидеть,
о море песню петь.

Гора – в горе, тропа – в тропе. . .
Вот я лечу домой в купе:
приятно мне в купе лететь,
на мир мелькающий глядеть,
и потому-то, и как впредь
о море песню петь.

Луну, гору, салют, корабль
и поднебесный дирижабль
приятно вспомнить мне
в заснеженном – родном краю,
где снег поёт печаль свою,
и потому-то, и как впредь
о море песню спеть.

Пройдут, простонут холода,
и затеряется звезда
на полустанках продувных,
в снегах густых,
но будет свет – во мгле гореть,
не потому-то, но, как впредь,
расправив белую шинель,
мне будет чёрная метель
о море песню петь.

Я знаю, – к морю я вернусь
и снова морю улыбнусь!
В далёкой – горной стороне
приятно будет мне
и на горе – и под горой
шагать извилистой тропой,
и тёмной – южною порой,
где звёзды – и покой,
где месяц озарил мечеть,
посеребив кирпич и медь,
под милой пальмою сидеть
и снова песню петь!

ДРЕБЕЗГИ ТЬМЫ, ИЛИ БОСИКОМ ПО ЧЁРНОМУ НЕБУ

Поэма диалогов

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Вой одинокого волка разломил ночь на три части.
Так разламывается глиняный кувшин, упав на камни.
Или глиняная книга.

К хорошей новости — на две части;
к удаче — на три части;
если разлетается вдребезги — к счастью!

Иноземец вздрогнул во сне и, проснувшись,
вскочил над лесом: ноги — в корягах,
голова — в звёздах.

— Ночь разлетелась — к удаче!

Одна часть ночи, как большая лохматая птица,
вспорхнула в небо; вторая часть — превратилась
в осклизлую пасть волка; третья часть завертелась,
как диск, под ногами, уходя из-под ног вниз —
в лесное ущелье. . .

Иноземец рванулся! Побежал туда, куда побежали
его испуганные ноги. . . Петлял, как заяц, между стволов
деревьев. . . Бежал, пытаясь догнать свои ноги;
бежал, не зная куда и не зная откуда; бежал,
не зная зачем, почему, для чего... и не зная предела.

Ружьё, словно преданный раб, бежало рядом
с человеком, петляло между стволов и сучьев;
подпрыгивало, как заяц, и опять бежало,
похожее на большущую сороконожку.
Было связано с человеком одним ремнём,
будто сковано с ним одной цепью.

Так они бежали куда глаза глядели,
куда глядело их испуганное сознание . . .

– Страх человека перешёл в стадию бега.

– Бег человека перешёл в стадию страха.

– Страх человека перешёл в стадию Бога . . .

– Бог перешёл в стадию человека!

Сердце иноземца стучало, грохало бешеной кровью,
разум стучал о ружьё, а ружьё – о разум . . .

Ружьё на ходу дрожало, набитое сухим огнём
и железной пулей. Хотело выстрелить, да побоялось,
что промажет . . .

На бегу иноземец подумал мельком, что пуля
умеет летать, как пчела, только гораздо быстрее.

– Ужалит в самое сердце – не встанешь!

– Жжы-у-у-у!

– Жжы-у-у-у!

II

Понимая, что опасность не миновала, человек, гонимый страхом, остановился для того, чтобы отдышаться и наконец-то вскинуть ружьё.

И произвести выстрел!

Зверь приближался. И когда зверь приблизился и приготовился сделать прыжок на свою добычу, иноземец (точнее — добыча) произвёл в целях самообороны долгожданный выстрел, тем самым возвестив округу о своей молниеносной победе.

— Бах!

Ночь повалилась к ногам иноземца также, как раненый зверь падает к ногам человека.

— Бывает, что человек сам себя загоняет в угол. Сам себе указывает путь, по которому нельзя пройти дважды. — Сказал умирающий зверь.

— Бывает... Но у человека нет крыльев. Только — разум. — Ответил ему человек.

— На мудреца и зверь бежит!

— Но у человека нет когтей, только пули!

— Камень, как ни бей его, не заплачет, — улыбнулся окровавленный зверь.

— Слава тому, кто не знает, где проходит этот путь, где находится тот угол, где начинается новая жизнь.

– Даже если этот путь и тот угол есть часть твоей судьбы, и является долгой дорогой в глухом лесу собственных противоречий, исканий вечных смыслов и огорчений.

– Или всего-навсего – долгой тропой междоусобной войны с дикими животными и деревьями, – сказал иноземец.

– Или потому что наступила ночь.

– Или просто от обычного желания разжечь костёр и разогреть пищу...

– Или просто . . . – сказал зверь и умер.

Человек подошёл к мёртвому зверю, нагнулся и положил ружьё на землю рядом со зверем.

– Ты есть? – спросил человек.

– В чужих глазах себя не увидишь, – ответил человеку мёртвый волк и спросил. – Зачем ты меня убил?

– Чтобы ты не убил меня, – ответил человек.

– Я только хотел жить, – сказал волк.

– Ты коварен, зверь! – сказал человек и закрыл волку глаза. – Спи спокойно.

– Как же я буду спать спокойно, если я зверь?

– Но ты ведь умер?

– Умирать никто не хочет, даже погибший.

В это время тёмное дерево, словно тёмная тень, приблизилось к человеку и раскинуло свои руки для объятий:

– Скажи мне, иноземец, стоит ли увековечить памятью разрушенный храм, если небо, под которым стоял он, выстроило в своих пределах точно такой же, а земля, где стоял он, священна, но осквернена убийством?

– Человек вправе делать всё, что посчитает нужным для продолжения своего рода, – изрёк человек. – Даже там, где нет земли, но где ступила нога его.

– Это ли и есть в человеке божественное начало и подобие?

– Это и есть, если бы не другое, что подразумевает и говорит Создатель: Азм есьм.

– И даже когда чужая земля содрогнётся под ним, в предвкушении собственной правоты? И даже когда новый храм будет вновь разрушен во время испытания смертоносного оружия?

– Ты коварен, человек! – ответило тёмное дерево. – У тебя нет ответов на поставленные тобой вопросы.

– Разве человек должен отвечать на поставленные им вопросы?

Иноземец взял морду волка в свои ладони
и заглянул ему в мёртвые глаза:

– Вправе ли зверь убивать других зверей
только потому, что хитрее их, коварней и сильнее?
И кто же, как не зверь, сможет осудить зверя
в его преступлении?

– Но разве зверь совершает преступление,
когда убивает зверя? И разве это плохо, когда звери
истребляют друг друга? – спросило дерево.

– Тогда, если человек произошел от зверя,
кто сможет определить, как не зверь, где и когда
просыпается зверь в человеке, и человек в звере?

Морда волка мирно покоилась в ладонях иноземца.

– От волка пахнет псиной, как от человека . . .

«Бедный Йорик!» – загрустил иноземец,
а потом подумал, что если звери истребят друг друга –
мир от этого станет гораздо страшнее.

А почему будет так, иноземец не подумал.

А случилось так.

III

– Какая всё-таки гадость эта ваша заливная свобода!

IV

Ночь смотрела на человека отовсюду. Даже снизу, из-под ног, где иногда в отражение звёздного неба мерцали осколки тьмы и остовы мёртвых животных.

«Дребезги тьмы» – подумалось иноземцу.

– Разум есть, да путь неймёт.

Человек шёл босиком по чёрному небу и вспоминал рассказ старика Чингызга.

Волк в поле унёс люльку с младенцем, а бедный отец, стреляя в зверя, промахнулся и убил в люльке младенца – своего сына.

Это ли было не горем для всего мира!

Даже для зверей.

V

И было утро... И было красиво.

А когда красоты много, она – пугает.

ЭПИЛОГ

– Я человек, а человек всегда прав по отношению к зверю, если стоит перед ним с ружьём.

– Зверь встал на задние лапы и вскинул передние, чтобы обнять человека, но человек решил убить его, чтобы зверь стал ещё дружелюбней.

– Или для того, чтобы лежать подле ног человека вместо коврика.

СТРОЧИЯ САЖИ ВЕПРЕВАДЗЕ

*Иной абрек на коне с горы на гору летает,
а как это делает, сказать не может.*

1

Зелёная гора – это поле, захотевшее стать радугой.

2

На горе жених! На другой – невеста!
Так и живут порознь.

3

Горы с каждым годом ниже становятся,
а ребёнок – выше.

4

И мала гора, да в небо тянется.

5

В гору поднимешься с ветерком,
а спустишься с другом.

6

В горах помолчишь – за мудреца сойдёшь.

7

Солнце камень нагреет, и на камне кашу сварить.

8

В горах родился, а живёт, как на равнине.

9

Горные кусты тоже камни, только с корнями.

10

И откровение камня принимай, как дар свыше.

11

Камни умеют не только плясать, но и плакать.

12

В горах и камни плодоносят.

13

В горах и птица за камень сойдёт,
а камень – за птицу.

14

Если из камня можно выдавить воду,
то из горца и слезу не выдавишь.

15

И камень зубы показать может.

16

Горы и горцы из одного камня сделаны.

17

Если булыжник – орудие пролетариата,
то камень – это не оружие горца.

18

Пропасть камнем не убьёшь.

19

Крепость винного напитка можно сравнить с Хостинской крепостью, поскольку башни снесены и там и тут.

20

Горная дорога — это змея, замурованная в асфальт.

21

Дорога прямая, а конца не видно.

22

В горах не запачкаешься.

23

Люди в горы идут с одной радостью,
а возвращаются с двумя.

24

Гора не шутит, а подшучивает,
а если шутить начнёт — не обижайся.

25

У горной тропы и края, и концы — кривые,
а спина — горбата.

26

Снежная шапка на горе — глаз радует,
а когда сползать начнёт — беги, куда глаза глядят.

27

Иная гора до звёзд достаёт, а иная выше сцены
не поднимется.

28

На одном эхе в гору не заберёшься
(На одном эхе с горы не съедешь).

29

Не пытайтесь сразу взобраться на вершину,
когда вас просят рассказать о вашей жизни.

30

И на малой горе большие деревья растут,
а на большой — лысина.

31

У горы был острый седой затылок,
а плеч совсем не было.

32

Если горец живёт на вершине, это не говорит о том,
что он больше видит, чем тот, кто живёт у подножья.

33

Когда горы с небом разговаривают — горцы молчат.

34

Когда горы поют — горцы подпевают.

35

В горах первую песню поют умом,
вторую — душой, а третью — хором.

36

Только падая в обрыв — не споткнёшься.

37

Как ни считай, у горы вершина одна.

38

Если горец живёт на вершине, это не говорит о том, что он больше видит, чем тот, кто живёт у подножья.

39

Спорил дикий горец с горным козлом, какая гора плодосней, да в порыве ярости – пристрелил его.

40

У иной горы вершина – подножье,
у иной пропасть – вершина.

41

В гору поднимаются много раз,
а вот падают с горы – один,
да и тот потом не вспомнят.

42

Понятие и умение – разные понятия,
но тем хороши, когда в одной голове рождаются.

43

Когда головой думаешь, а когда – лбом.

44

Главное – чувствовать,
а когда чувствуешь – знаешь.

45

Разве можно думать нечестно?

46

Хаос в мыслях может существовать даже в одной короткой фразе, если она не определяет своё положение в пространстве.

47

Словами не балуются. Даже если вы просто склоняете слово по падежам – это упражнение по развитию речи или вашего мышления.

48

Думай бдительно, – и в голове утка случается.

49

Умей сдерживать свой ум, и находить в нём истинные ценности, а не выдуманные.

50

Не важно, что находится у тебя в кармане, важно, что люди об этом не знают.

51

Жаль, что прозрение приходит поздно, особенно, когда невозможно его отличить от предположения.

52

И правда бывает чисто по-дружески.

53

Не совесть мучит, а знание.

54

Чашка с ложкой, как муж с женой, то бранятся, то тешутся, а то вместе в баню ходят.

55

Слава твоих предков разве что сопоставима со славой эллинов, которые вполне могут быть предками твоих предков.

56

Перфекционизм пагубен, если не умеешь чувствовать паузу.

57

Всё, что имеет свойство меняться и преобразовываться — имеет отношение, скорей, к математике или химии, чем к философии.

58

Главное, чтобы плавная линия ничем не отличалась от ломаной.

59

Изгоем жить легко, если средства позволяют.

60

Сделать чище — это не значит, что сделать лучше.

61

Человек вправе знать, куда ему плевать.

62

Слова — не пыль: ни тряпкой не сотрешь, ни плевком не сдуешь.

63

Не старость учит, а знание.

64

Неправильное понятие тоже бывает правильным.

65

Неясность точности –
есть точность неясности.

66

Помни, что впереди у тебя будет миссия,
о которой ты никогда не узнаешь в этой жизни.

67

Имея крылья – умей ползать.

68

Голова не петух, клевать не умеет.

69

Моё чувство больше, чем моё образование.

70

Всяк своему делу – свояк.

71

Понял, что понять можно чуть позже, да рано.

72

Политика произрастает из той или иной литературы,
как литература произрастает из той или иной религии.

73

Ходи не прямо, ходи красиво.

74

Если император скрывает свою личную жизнь – жди беды.

75

Здоровье императора, в прямом и переносном смысле, полностью зависит от здоровья его народа.

76

Императору предусмотрительно можно опасаться, как бы река, соединившись с морем, не иссякла, а море не вышло из берегов, и не ударила его фрегат о скалы.

77

Каждый правитель властвует, но не каждый с народом здравствует.

78

Искусственно выращенные растения могут не только украшать сад-вотчину правителя, но и «позиционировать» растениям, которые были пересажены в принудительном порядке.

79

Новый завоеватель – это повод размять, наконец-то, не только свои кулаки, но и мозг.

80

Победа всегда остаётся позади, точно так же, как неминуемое поражение во время предстоящей победы.

81

Наказ – не наказание, а доверие.

82

Мудрец и горец в одном человеке легко уживаются.

83

Мудрец глупца поймёт, а глупец – побьёт.

84

Мудрость и нищета вместе не живут,
но одним и тем же духом питаются.

85

Бывает, что и мудрец спасибо не скажет.

86

Талант сильнее глупости.
(Талант мудрее мудрости)

87

Иногда глупость выдает весьма умного человека.

88

Твой стол – твой лучший друг и приятель,
а для гостя – отец и брат.

89

На мудреца и зверь бежит!

90

Не глупец мудреца съест, а зверь.

91

Седе́я голова умной голове – не помеха.

92

Обвинять глупца во всех бедах, сопутствующих царству дело бессмысленное, тем более, если кто-то начинает с обвинения, обычно ничего существенного в царстве не происходит... Ну, разве что, у того, кто начинает с обвинения.

93

Мы видим только то, что осознаем,
и не видим, то, что не хотим видеть.

94

Именную гемму Дзеваха в ломбард не закладывают.

95

Красоте красотой не учат.

96

Земная красота совершенства не знает и не ведаёт,
а человек – знает и ведаёт, и красоту – красотой называет.

97

И на развалинах храма можно красоту лицемерить.

98

Именную гемму Дзеваха в ломбард не закладывают.

99

У святого палача весь мир – шакал.

100

Улыбайся, и мир улыбнётся тебе.

101

От спящей змеи – шум в ушах.

102

Тишина – это смесь воспоминаний
видимого и невидимого мира.

103

Тишина – это не отсутствие звука, скорее,
это многоточие, пробел или пустая страница,
наполненная небольшим смыслом.

104

На себя надейся и другим не мешай.

105

Море водой не оскудеет, в противном случае,
это будет пустыня.

106

Звёзды – это гвозди, которыми
прибита наша вселенная к самой себе.

107

Да не оскудеет пир наш!

108

Вторая чарка вина – рогом изобилия покажется.

109

Чегем с чинарой из одной чарки растут.

110

Тесто мукой не запачкаешь.

111

И на бардак бывает – пятак.

112

Когда работу закончишь, тогда и друга
на помощь зови.

113

Иногда пачка махорки важнее, чем её стоимость.

114

Пока руки мастерят, голова думает.

115

Машина едет быстро, но это не означает,
что она исправна.

116

Даже зерно гребут деревянными лопатками,
а не железными.

117

У двери не спрашивают, можно ли войти в дом.

118

Собственность – дело житейское, покуда житейское
не ставится во главу угла.

119

Порознь и врозь – два сапога, и оба на левую ногу.

120

Хворь – гони, покуда бедой не стала.

121

Даже если ты дашь праздному – горькое,
а горькому – праздное, ты не разделишь
всё справедливо.

122

И прошёл бы, откуда послали, да пройти
невозможно – везде многолюдно.

123

Потрудишься – лень сама уйдёт,
а не уйдёт, значит, – плохо трудился.

124

В споре рождается нечто близкое к истине,
может быть даже неправильное понятие,
которое на тот момент является правильным.

125

Мечта существует у каждого в своём кармане,
и не пытайтесь достать её ни при каких обстоятельствах,
пока она не вывалится сама.

126

Сначала человек в человека плюнул, а потом стал ему
показывать свои чистые руки и говорить: «Вот, видишь,
я человек хороший, у меня руки чистые!
А ты, на котором сопля моя висит, – плохой...»

127

О существование предмета может говорить его отсутствие.

128

Радость – постыдна, щедрость – обманчива,
любовь – блудлива, богатство – ничтожно,
власть – лжива, жизнь – суетлива . . .

И только ничтожное – вечно.

129

Лучше стремиться что-то изменить к лучшему,
чем ждать, когда заставят это сделать.

130

Иногда кажется, что не можешь вспомнить язык,
на котором разговаривал в прошлой жизни.

131

Если человек высок в помыслах,
у него в душе – змея не живёт,
зверь не растёт, а цветы – цветут,
а птица – поёт.

132

Созерцание существующего и несуществующего
бытия может служить поводом не только
для творчества, но и сумасшествия.

133

Время – это иллюзия, которую невозможно
опровергнуть, которой невозможно ничего
противопоставить, кроме бессмысленности
своего существования.

134

Ты можешь перепутать Диогена с Сизифом,
пока одного из них не посадишь в бочку.

— Кого?

— Это не так важно...

135

Мы живём не из прошлого в будущее,
а из будущего в прошлое.

136

Две головы на одной шее — летать могут,
если ими третья управляет.

137

Мастерство художника выше общественного
признания, тем более, когда признание имеет
государственную подоплёку или является ею.

138

При чтении мысли не открылись полностью,
а глаза уже спать захотели.

139

Творец — сам себе тюрьма и дворец.

140

Что понял, то и прочитал, а не понял —
другую книжку открой.

141

Тяжело учить — легко читать.

142

Начал читать по памяти, не попадая в слова.

143

Что-то подобное читал,
только слова там были другие.

144

Что в голову влезло, то вылезти не смогло.

145

Не рви пером бумагу – силы к строке от этого
не прибавится.

146

Если тебя кусают, значит – это кому-то нужно!

147

Пространность и красота изложенного предмета –
может являться и пейзажем, и философией,
но, в конечном счёте, не быть – ни тем, ни другим.

148

Польстить гению – польстить самому себе.

149

Оборудовал жилище так, что вдохновенно
негде присесть.

150

Коварство и зависть разрушают не только правду,
но и неправду с ложью.

151

Правда путей не ищет, она просто идёт.

152

Обман – это средство, не имеющее под собой никакого обеспечения.

153

Хитрость ходит криво, а иногда умудряется ходить вниз головой, при этом петляя в разные стороны.

154

Лень – это жировая прослойка между отдыхом и сном.

155

Жадность – это совокупность независимости и алчности.

156

Бессмысленность в одиночку не ходит.

157

Смех сквозь слёзы – не грех.

158

Любовь – есть Бог. Докажешь обратное – погубишь мир.

159

Зависть не может хвастаться.

160

Коварство – подмена творчества.

161

Красота – обманчива, срамота – правдива.

162

Измена щекотлива, как чесотка,
от которой иногда умирают.

163

Мозг – это тот орган управления, которым,
кроме тебя, могут управлять другие.

164

Сказать женщине, что она красивая, не так сложно,
сложнее сочинить для нее красивый мир,
который, в конечном счёте, проглотит её.

165

Когда мир покидает красивая женщина –
мир становится чуточку страшнее.

166

Богатая женщина цацками не грохочет.

167

Женщине было приятно, что только небо и горы
видели её голой.

168

Падшая женщина задумалась о жизни,
а жизнь, не задумываясь, летела дальше.

169

Падшая женщина скорее выйдет в тираж, чем замуж,
но в тиражах, если это денежная лотерея,
есть выигрышный билет, который может обеспечить
женщине не только зрелую молодость,
но и глубокую старость.

170

Через руки падшей женщины прошли не только
тарелки и чашки, но и солдатские кружки и ложки.

171

Женщина была недоступной, будто складское
помещение, запертое на два висячих замка,
ключи от которых потеряли...

А у дверей стоял сторож с ружьём.

172

Лодыжки у горянки сами по себе проказничали,
пытались как можно чаще выглядывать из-под
длинной юбки.

173

Нагота — обманчива.

174

Женщина и золото две вещи совместные, но требуют
огромных затрат на их сбережение и сохранение.

175

Медь серебром покрывают да золотом,
а хлеб маслом и ветчиной.

176

В сражении стальная сабля лучше золотой.

177

Золотые слова от серебряных трудно отличить.

178

Серебром золото не покрывают.

179

Даже кончик меча украшают бляшкой из чистого золота.

* * *

Глядя в прошлое, можно увидеть будущее,
поскольку и то, и другое имеет одно начало
и один и тот же конец.

ЛОШАДИ НА КРЫШАХ

Питерский цикл

ДИРИЖАБЛЬ

Хмурым утром просыпающийся город
походит на большую сухогрузную баржу,
выплывающую из тени небесного берега,
если бы не купол Исаакиевского собора,
похожий издали на позолоченную кабину
опрокинувшегося дирижабля. . .

1. ПЕТР

Петр Николаевич Розовощёков очень гордился тем,
что его родители называли его Петром.
Петр Николаевич, когда шибко подрост, влюбился
в соседку Катю, гуляющую не только
со всем шустрым двором, но и с центральной улицей
на Васильевском острове, а значит со всем островом!
Петр сказал ей: — Теперь ты будешь моей женой!
И только будешь со мной гулять там, где захочешь. . . —
и помечтал. — Ты скоро будешь царицей, а я царём!
— Петенька, я безумно тебя люблю! — отвечала она. —
Только с тобой, дорогой!.. —
Вместе они сняли отдельную квартиру,
создали модный кооператив по фотоуслугам. . .
Фотографировались сначала со всем двором, улицей,
Васильевским островом, а потом вышли на площадь. . .
Он облачался в царские одежды Петра Первого
(кафтан, шведский воротник, камзол, сапоги,
широкополая шляпа с перьями, ордена-побрякушки. . .)
Она — в одежды-наряды царицы Екатерины
(завитой парик, платье до пят, туфли с пряжками,

всякие там ленточки, бантики, брюлики-фантики. . .)

За небольшую плату фотографировались
не только с жителями родного Петербурга,
но и с гостями северной столицы огромной страны:
ижевчанами, магаданцами. . .

Даже с иностранцами:

немцами, французами, финнами, афро-американцами. . .

— Вот видишь, дорогая, — говорил он. —

Ты стала царицей, я стал царем!

— Петенька, я безумно тебя люблю! — отвечала она. —

Ты мой повелитель! Ты мой, дорогой! —

Так жили.

Она — царица, он — царь! Однажды Петр Николаевич
простудился и надолго слёг.

Он что-то шептал ей в бреду, типа: «Когда я умру,

ты поставь мне памятник, где я буду изображён

с поднятой над страной десницей,

сидящим на вздыбленном коне, конь будет стоять

на скале, а на скале надпись, что этот памятник

поставлен мне моей женой. . . Люди обязательно будут

фотографироваться со мной-памятником,

и тебе хватит денег, чтобы взять ипотеку. . .»

Она говорила ему: — Успокойся, Петенька,

возможно, ты умер уже, потому что стоит памятник тебе

с поднятой над страной десницей;

ты изображен на коне, конь стоит на скале,

а на скале надпись, что этот памятник поставила я,

твоя жена Екатерина,

а ипотеку как не давали, так и не дают. —

Петр Николаевич Розовощёков успокоился, взял да ожил!

— Что-то долго я болел, — сказал он Екатерине.

Надел камзол, обул сапоги на босу ногу,

надвинул на лоб широкополую шляпу, взял шпагу
и отправился на дворцовую площадь
наводить порядок
в своём немилостивом государстве, где ветер давно
смотрел в пустые глаза царской резиденции,
выводя скудную молитву:
«Благодарю тебя за то, что ты есть . . .
Азь Есмь!»

2. РОГИ

Редакция литературного журнала была закрыта,
только вывеска напоминала,
что ещё существует журнал «Звезда».
Хорошее название, намного лучше, чем «Знамя»,
но что мне до названия, когда закрыт журнал.
Ну, что ж, — подумал я, — пойду в «Кафе»
выпить чашку чая или кофе с бутербродом . . . —
Прошёл немного по улочке, дальше прошёл,
посмотрел вокруг мимоходом . . .
Но что мне до бутерброда, когда «Кафе» не нашёл.
— Что ж, поеду на трамвае или в трамвае к центру, —
решил я и на остановке встал.
Подъехал незнакомый «такой» трамвай
с бубенцами, ленточками . . . Широченный,
как самосвал! Но что мне до трамвая,
если это был не трамвай . . .
Тогда я пошёл, куда глаза глядели;
шёл, шёл, шёл, как ходок, и вышел на площадь,
там увидел дворец, на крыше которого стояли
каменные люди и лошади . . .
Но что мне до дворца, если на крышах — лошади!
Я поспешил на вокзал, купил билет, сел в поезд.

Ехал, ехал, ехал по железной дороге.
Из Питера в Москву. В голове мелькали строки:
«А может – маленькие роги. . .
Писал профессор Ольдерогге».
Приехал в Москву и направился в редакцию
литературного журнала «Знамя».
– Вот мои стихи, – сказал я в редакции журнала. –
Я хотел их отдать в другой журнал,
у него хорошее название, лучше, чем «Знамя»,
но был закрыт тот хороший журнал. . . –
Со мной согласились, сказали примерно так:
– Есть лучше названия, чем «Звезда» и «Знамя»,
например, «Динамо», «ЦСКА», «Зенит» и «Спартак». . . –
Тогда я пошел в редакцию журнала «Журнал Поэтов».
Ходил, ходил, оглядывая Москву, как узбек и ингуш. . .
Спрашивал у прохожих: «Вы не подскажете,
как пройти в редакцию журнала поэтов?»
Но люди, пожимая плечами, молча, проходили мимо. . .
– Что ж! – напрягся с мыслями я, как Грибоедов, –
и уехал в Сочи, хотя там нет
ни одного литературного журнала. Зато тепло!
А где тепло, там и родина!
Мать-Ривьера, отец-Бочаров ручей,
сестрички Мацеста и Лоо. . .
А ещё на рынке можно купить много спелых,
свежих абхазских груш.

3. ЛОШАДИ НА КРЫШАХ

Помню Питер таким: крыши, крыши,
крыши, крыши, крыши
да балкончик с перилами –
чугунными ажурными вензелями,

на котором стоял-думал,
глядя простуженными глазами
на Петербург, думая
о Ленинграде, покрытом временем,
словно ржавчиной солнечно-рыжей.
А потом пытался сам себя фотографировать
здесь –
прямо на гостиничном балконе:
сигарета в руке, волосы в небе,
взгляд, как у Иосифа, Владимира, или Петра,
со своей-чужой картавой речью о Ленинграде,
что редактируют корректора-
сквозняки, играющие «Прощание славянки»,
как будто на синхрофазотроне.
Правда, речь не запечатлеть на фото,
можно разве что на видео, ведь
у фотоаппарата есть кнопочка «видео»,
да чего только нет у фотоаппарата
Canon!
Сверху я поглядывал на упавшую улочку,
по которой, как будто мышата,
суетились петербуржцы, гости Питера . . .
Им хотелось спешить, им хотелось лететь.
Каждый был занят своим: кто сумкой,
кто сырным пакетом, кто просто ничем.
Каждый вилял хвостиком, носик направлял
по ветру,
ушки ставил – торчком.
Грузчик что-то вытаскивал из парадных дверей,
турист размахивал кушаком,
ну а детки, играясь, как будто катились
к набережной колобком:

и от дедки ушли, и от бабки ушли,
а потом исчезли с улицы насовсем . . .
Каждый был рад по-своему в ржавом посвисте крыш,
увенчанном кое-где
то ли флюгером, то ли шпилем, то ли антенной,
то ли александрийской трубой.
Каждый! но никто не расправлял крылья,
как, в общем-то, и не ходил по нужде,
где приспичит: ни на площади,
ни на остановке у театра, ни за музеем-избой . . .
А у меня получалось фото, только словесное,
с чугунными ажурными вензелями . . .
Вспоминаю Питер таким: крыши, крыши, крыши,
да ещё иногда с лошадьми.

4. ЦАРЬ

Я люблю раздавать подарки-награды . . .
Видимо, в прошлой жизни я был царём.
— Ты, Костя, будешь моим придворным поэтом.
Будешь петь песни-оды во славу мою,
славу будешь множить и умножать.
Что делать, если страна в совершенстве говорит
на разных языках . . .

— Ты, Зураб станешь моим придворным
художником-скульптором,
будешь ставить мне памятники при жизни
по всей стране и даже за границей.
Что делать, если народ привык жить
среди каменных идолов
и кланяться головой в землю . . .

– Ну, а ты, Вова будешь министром космических дел.
И что с того что ты не умеешь!
Ты умеешь хорошо говорить, а людям это нравится,
пока они слышат. . .
Что с того, что у нас ничего не получится, главное,
что мы порознь будем вместе!

– А после нас, как потоп!.. Останутся памятники,
оды-песни, портреты-скульптуры...
Люди будут говорить о том,
что было раньше хорошее время:
пели песни, награждали.
Что делать, если народ любит праздники
на улицах-площадях,
названных нашими-моими именами. . .

КУРИЦА-ПЕТУХ

Овидию Любовикову

Писатель-фронтовик рассказывал, что задумал написать роман о малой родине. На карте страны малая родина походила на курицу-петуха.

Писатель каким-то непонятным образом доставал её из карты и ставил на стол.

Курица-петух начинала кудахтать, прыгать на столе, клевать со стола крошки. . .

Кричать: «Ку-ка-ре-ку!»

– Вот она какая! Наша малая родина. . . – говорил он.

– Это тебе почище, чем «Мастер и Маргарита». . . –

Писатель-фронтовик давно улетел на небо, видимо, там закончит роман поэтическим словом. . .

А курица-петух кудахчет, со стола клюёт крошки, кричит на всю страну:

– Ку-ка-ре-ку!

ЗЕМЛЯКИ

Хлебникову

Знал Заболоцкого при жизни я,
Овидия любительское фото
над письменным столом висело...

Киров

Сергей Миронович, оратор-коммунист,
братан-земляк... Но я его не слышал.
Здесь по соседству братья Васнецовы
со мною жили.

Петр Чайковский тоже...

Здесь рядом во дворе романтик Грин
боярышник таскал в избу-читальню,
а террорист Халтурин смастерить
придумал бомбу для царя Руси...

Здесь с крыш домов
в овраг стекало небо
и растворялось в красноземной глине,
и становилось глиной.

В это небо

смотрел из КПЗ горящим глазом,
похожим на оконный светлячок,
окурочка капитана Иванькова.

Что думал тот окурочка – я не знаю:
о Маршале, быть может, Соколове,
а может, о полковнике, а может,
о космонавте № 50.

А может быть, о памятнике-танке,
всей мощью устремлённом прямо в небо,
смотрящим также в небо,
только дулом,

как будто на незанятый рубеж...

— Откуда родом ты? — меня спросили.

Ответил.

А потом ещё добавил:

— Где Михаил Калашников живёт,
который изобрёл свой автомат
Калашникова!..

— Боже упаси! потомкам жить в таком
смешенье жутком,
где можно в воскресенье насладиться
искусством

и в соборе помолиться...

а в понедельник пулю получить!

а то и бомбу...

РОССИЯ

Едем по разбитой вятской дороге.

На сто километров – ни души.

Былинные леса да разорённые деревни . . .

Вдруг вижу, стоит у обочины дороги
здоровая девка лет четырнадцати –
что-то продаёт.

У ног бидоны с вёдрами блестят.

Останавливаемся. Подхожу.

Она улыбается.

– Что продаёшь? – спрашиваю.

– Здравствуйте, – отвечает. –

Бруснику продаю.

– Почём ведро?

– А сколь дадите . . .

ХРАМ (НА КРАЮ СВЕТА)

— Пойдём, я покажу тебе наш храм, — сказала она, кивком головы показывая в сторону, где возвышалась обезглавленный храм.

— Пойдём, — ответил я, понимая, что я не только гость, приехавший к ней в захолустный городок, но и то, что приехал бы к ней хоть на край света.

Храм был без окон и дверей, точнее окна и двери были забиты досками. Она со знанием дела отодвинула одну доску, и мы смогли протиснуться внутрь заброшенной церкви.

Мы долго сидели у Алтаря под открытым небом и смотрели на звёзды, которые источали слабый свет, еле-еле освещая, как плохо горящие свечки, загадочные тёмные фрески, чудом уцелевшие на толстых стенах.

— Красиво! — сказал я, имея в виду и звёзды, и дощатые глазницы окон, и загадочные фрески, а также и то, что мы только вдвоём, я и она, были ограждены в тот час от всего внешнего мира и как будто были защищены от него суровыми стенами бывшей святой обители.

КОРОВЫ

Два верлибра в одном верлибре

I

— Это правда, что люди летают?—

Баба Дуся спросила меня.

Я ответил:

— Да нет, не летают!..

Лишь коровы летают в ночи! —

Вот стою я в ночи,

вот я вижу,

как по темному небу летит

клин усталых коров и мычит:

— Му! му-му-у-у!

— У-у-у-у. . .

. . . И церковь галочья темнеет на холму,
вся в коровьем помёте.

80-е (20 век)

II

— Это правда, что люди летают? —

Баба Дуся спросила меня.

Я ответил:

— Да нет, не летают!..

Лишь коровы летают во мгле! —

Вот стою я во мгле,

вот я вижу,

как над грешной землёю летит

клин усталых коров и мычит:

— Му! му-му-у-у!

— У-у-у-у. . .

. . . И склад зерна бледнеет на холму,
весь в коровьем помёте.

10-е (21 век)

СКАЗОЧКА

Л. Дьяконову

Когда стремишься вперёд – продвигаешься назад,
когда стремишься назад – продвигаешься вперёд.

В ТЁМНОЙ БЕЛИЗНЕ

Что мне сказать о родине своей?
Морозом скована, как зимнее ненастье.
Она вдали. Она всегда прекрасна
просторами заснеженных полей.

В Крыму опять зимой идут дожди . . .
А там над Вяткой вновь метут метели,
и огоньки окошек еле-еле
кому-то ночью светят впереди.

Мне хочется в тот крайний дом зайти,
где угощала нас старушка чаем,
попутчиков озябших, неслучайных,
и, как ни странно, сбившихся с пути.

И хочется услышать вновь про жизнь,
что жизнь, — держись, — горбатит понемногу.
Вздохнёт старушка: — Ходим, слава Богу!
да топим печь . . . Попутчики, кажись?

— Попутчики . . . — И, в комнатку войдя,
сесть у окна, подуть в окно глухое:
там ночь бела. Там зимний леший ходит,
позёмку белоснежную вертя.

Там воздух мёрзлый инеем блестит
и от мороза ёлка задубела.
Старушка жизнь живёт без передела —
и муж погиб и сын её, бандит.

– До кладбища зимой дороги нету,
оттает к вёснам, – скажет, как во сне...
И снова спросит, как бы по секрету:
– А, что там видно в тёмной белизне?

Там царство снега! В снежные чертоги
зверь-поезд, зверь-автобус не промчит...
И что с того, что на душе горчит
и далеки родимые пороги!

Ведь если говорить придётся мне
о Родине от имени державы –
я вспомню бабкин дом святой и правый,
и царство снега в тёмной белизне.

СНЕГОВАЯ ЗВЕЗДА

Зимний дом затерялся в снегах,
может быть, в нём давно отгуляли.
И оконца мерцают впотьмах,
на краю новогодней печали.

Может, женщина в дом тот вошла,
заскрипели, заплакали двери.
И ответили эхом поля,
словно взвыли таёжные звери.

Может быть, это просто – судьба,
и в ночи не такое бывает!
И дымит, подвывая, труба,
словно снежную пыль выдувает.

Вот и дверь – ледяная доска,
я стучу, но никто не откроет.
И в душе одинокой – тоска,
будто дерево в поле кривое . . .

В небе – ночь. Холодит пустота,
да неясные снежные звоны . . .
Вдруг зажглась снеговая звезда,
как снежинка на жаркой ладони.

И я вспомнил опять в тех снегах,
что растут на бездольной равнине,
про огонь, что играет в камине
и блестит в незнакомых глазах.

Мне в дому не сидеть у огня,
эту женщину я не увижу.
Может быть, заперта на задвижку
деревянная дверь от меня?

Ну а может, в ночи заплутал
и на миг это всё показалось.
Будто путник – дорогу искал,
а дорога в снегах затерялась...

СНЕЖНЫЙ ПИР

Сады белы и птицы ни гугу...
Такие дни тишайшие настали.
Давно ли здесь в осипшую пургу
ветра окоченелые свистали!

И мой сосед, притихший у окна
встревоженной гостиницы районной,
смотрел на вихрь метели беспокойной,
где кувыркалась бедная луна.

И слышал он, качая головой,
не вой собак напуганных, бездомных,
не хохот ветра в переулках тёмных,
а снежный пир над грешною землёй.

Качалось небо, слышались щелчки,
свистели звёзды и орали мыши;
плясали за окном снеговики
и валенками топали по крыше.

Он ликовал, тот страстный снежный пир:
он грохотал железом леденистым,
серебряным размахивал монистом...
И, наконец, затмил собою мир!

Ни страха, ни тоски, — и никакой
другой стихии, — только ветер белый,
да снег ревел, гудел во все пределы,
кружил, сверкая крошкой ледяной.

И растворялся там, среди равнин,
где от мороза дерево трещало,
и небо, опрокинувшись, лежало,
как на боку заброшенный овин...

И за стеной гуляли. По-людски...
Носились звуков праздных отголоски:
ходили там вприсядку мужики
и сапогами топали по доскам.

А мой сосед поднёс себе огня,
и закурил табак: — Вот это сила!
Не та, что нынче кружит над Россией...—
И вновь затих у белого окна.

ПРЕСВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

Хозяйка в доме печку разжигала,
светил в глазах усталых огонёк,
и что она без мужа проживала,
мне было, почему-то, невдомёк.

Немудрено. Не каждый понимает
чужую незнакомую печаль.
На людях Клаша плакать не умеет
и чёрную не надевает шаль.

Как в предосенней мгле светлеют дали,
так горе горькое светлеет на глазах.
И посветлели Клашины печали,
и растворились в суетных делах;

в заботах, в трудоднях, на сельских сходах
сошли на нет, как дым от папирос;
уплыли на последних пароходах,
умчались под железный стук колёс.

Лишь самая пресветлая осталась
и светится предутренним огнём.
— Эй, Клаша, где ты заметалась?
— Иду, иду. . . — И полон света дом.

Цветной скатёркой Клаша стол накроет
и радио поставит на окно. . .
И четверых детей своих накормит,
и гостя городского заодно.

Возможно, выше счастья не бывает.

— За всё спасибо вам!

— ... А в остальном

всё хорошо... И дети возмужают!

«Иду, иду...» — И светел Клашин дом.

А утром — «распогодилось ненастье!»,

и снова печь топили оттого.

И думал я о том высоком счастье,

как будто рядом не было его.

«КАР-Р!..»

Маленькая поэма

Куда ж нам плыть?

А. С. Пушкин

1

На письменном столе лежат, покрыв
столешницу стола, листы бумаги:
эскизы и наброски . . . На полу
листы лежат, на тумбе, на диване.
Листы, как снег, как память о былом,
как будто слепки дней моих ушедших, —
разбросаны, лежат в моём доме,
пылятся под столом и под диваном,
на стопке книг, на полке у окна,
точней — на подоконнике оконном...
Окно выходит в полдень белоснежный,
как будто бы в огромный снежный лист.
И в нём совсем не трудно угадать:
то зимний лес, то мёрзлую дорогу
среди гудков окраины фабричной,
под снежными дымами заодно.

2

Как будто зимний день взошёл с листа,
иль стал листом в чудесном превращенье;
стоит в снегах среди густых снегов;
вот скрипнул снег, вот сани покатали...
Вот лыжник вдоль дороги пробежал . . .
Там, за верстою белою, — деревня,
и снежный дым под небом белым . . . Там
стоят снега, как белые деревья.

И голос, что зовёт издалека,
как будто возникает где-то рядом.
Что скажет – невозможно не понять,
а что сказал – запомнить невозможно.
Снега растут – куда ни бросишь взгляд –
на крыше, на деревьях, на беседке. . .
Вот этот мир – как будто белый лист,
как будто стол, покрытый снежной пылью.

3

Вот брат с сестрой устроили снежки.
И в белой немоте, как на опушке,
кружится снег и падает на снег,
как будто бы рассыпалась подушка.
Вот клякса, но, увы, не от чернил,
поскольку нет чернил для авторучки,
но клякса есть. Как чёрный ворон – «Кар-р!»,
как будто бы картавит, но неслышно.
Я вижу, что у кляксы нету глаз,
что белый мир, увы, она не видит,
ей, может быть, плевать на всех на вас,
поскольку клякса пачкает бумагу,
поскольку – клякса... На пустом дворе
играет озорной малец соседский:
то ворона вспугнёт, то хворостиной,
как саблей, по сугробам полоснёт. . .

4

Вот мать его в дверях жилой постройки
стоит в фуфайке, вязаной перчаткой,
протягивая руку, как на ощупь,
субботний снег пытается ловить.

Потом она с сожителем своим,
по виду и по выправке военным,
во двор выходит хлопать половик.
Они его растягивают, словно
змею какую, взявшись за концы.
Затем они «змею» вздымают к небу
и резко опускают: хлоп! И снова . . .
Всё хлоп! да хлоп! по воздуху стучат,
как будто дух змеиный выбивают.
Так, делая морозные хлопки,
малого мать визжит, как хряк *Бодрюша*,
которого по первому снежку
зарезали прилюдно за сараем.
Она визжит всё громче и смеётся,
и, кажется, вот-вот работу кончит,
и будет любоваться, как сожитель,
устав, со лба сотрёт холодный пот.

5

В конце концов, напрасно рассуждать,
как сложится судьба семьи нескладной,
по виду и по выправке – военной,
кабы не мальчик этот озорной.
Он, как и я, посматривает в мир,
измерив мир своим воображеньем:
что было для него когда-то светом –
сегодня стало дымкой снеговой . . .

6

Листы, листы – как память о былом,
как будто слепки дней моих суровых –
разбросаны – лежат в моём дому.

И даже под крыльцом и под забором...
Листы кругом, куда ни посмотри, —
тона, полутона, — они повсюду
лежат, как снег, и почерком кривым,
как скрепами, к судьбе снегов прибиты.
Как, впрочем, эти белые стихи,
которые, увы, не бдят за этим...

7

Не бдят. Зачем им бдеть?..

.....
.....

ДИВНЫЙ КОРАБЛЬ

Земляки сказали: — Ночуй,
чем себя по степи волочь...—
Я подумал: «Ну что ж, давай
заночую последнюю ночь!»

Хорошо на лежанке лежать,
слушать птицу-звезду. Поёт.
Словно древняя мудрость в том,
что покоя мне не даёт.

Словно сказка живёт наяву...
Вдруг прольётся внезапный дождь
и разбудит листву, траву,
полевую незрелую рожь.

И пригрезится в тот же миг
в звёздной бездне морской корабль.
— И куда он плывёт меж звёзд?
— Нет, похоже, не дирижабль,

не космический самолёт
и, конечно, не НЛО... —
скажет мудрый братан-земляк, —
и куда его нам принесло?

Этот дивный подлунный корабль,
проплывёт над моей землёй,
протрубит серебристой трубой
что прощаться пора с роднёй.

Что мне надо собрать чемодан,
поклониться земле родной,
и уплыть на том корабле
в край заморский иль внеземной...

Вдруг пойму, что приснился мне
звёздной бездны корабль морской,
дождь в раскатистой тишине
на краю земли слободской.

Что роднее нет неродных
на родимой сторонке дворов!
Обрусевших да коренных
Широбоковых земляков,
Ивановых да Лапшиных...

У которых легко ночевать
и дневалить который день.
Что пора мне с лежанки вставать,
где хмельная валяется лень.

Что заря на дворе. Поёт!
Петухом прокричал рассвет.
Что давно на дворе хозрасчёт
и других отношений нет.

Что пора на родной пустырь
мне шагать со своею мольбой,
строить свой дирижабль-корабль
с золотою, как степь, трубой...

«РОССИЯ»

Воздух в тамбуре пахнет железом
и свежим перегаром.

Двое в расстегнутых демисезонных куртках
ведут разговор.

«Видимо командировочные», – думаю я.

Не стесняясь, прохожу между ними и встаю в стороне,
в конце тамбура. Закуриваю.

Идущий поезд пошатывает, как будто в соседнем
вагоне-ресторане гуляет дорожная свадьба.

И тут слышу, как один попутчик говорит другому:

– Если Россия скажет: «Надо!», я снова
научусь стрелять! Двух или трех этих интервентов
я точно завалю. –

Я сначала опешил, хотел было покинуть тамбур:
мало ли чего можно ожидать от незнакомцев,
здоровых, слегка пьяных; но постеснялся
своей минутной трусости, и остался стоять,
раскуривая начатую сигарету.

Тут первый, продолжая разговор, спрашивает второго:

– А если Россия скажет: «Надо тебя»?

– Ну, чего меня? – хитро щурится второй.

– Ну, тебя, значит, завалить, – поясняет первый.

Вагон опять качнуло, на этот раз, как мне показалось,
как будто от разрыва пушечного снаряда,
выпущенного из пушки, бьющей напрямик
из промелькнувшей за окном,
одноэтажной деревеньки.

Кажется, что поезд разламывает на части,
и одна его часть, в которой находится наш вагон,
летит под откос, но проходит несколько минут,

а удара о землю не происходит.
Я облегченно выдыхаю дым сигареты.
Колеса по-прежнему стучат,
снизу вагона доносится скрежет:
поезд продолжает нервный
и чрезмерно быстрый ход.
А попутчик, которому был задан вопрос,
сосредоточенный на разговоре,
вдруг растягивает лицо в широкой улыбке,
зубоскалит, напоказ показывая свои стёртые зубы, итожит:
– Не-е... не скажет... Я и есть Россия!

БУДТО ЯБЛОКАМИ

Мешки с картошкой походили на облака.
Облака стояли в поле редкими рядами.
Неровными рядами. Дикими рядами...
Серые, тугие. Наполненные, будто яблоками...
Или деньгами... Или пачками денег!
Потому что в поле пахло свежими яблоками,
как будто хрустящими дензнаками Евро...
Я хватал мешок за горло – забрасывал
в кузов грузовой машины!
Мне помогали...
Я представлял, что работаю в банке.
Я грузу деньги!
«Мы завалим нашу родину деньгами,
мы построим счастливое послезавтра!»
Люди накупят, чего им так недоставало.
Ивашка – тару поллитровок и две тары литровок!
Маруся – шкаф шикарных платьев
и четыре чемодана туфель...
Да много чего можно купить, когда денег
целый склад мешков. А может два склада!
Квартиры, картины, корзины, книжонки. . . .
А потом
люди начнут покупать реки, моря, скалы,
даже острова, которые не появились...
Люди купят территории на Луне, Марсе...
Будут покупать околоземное
космическое пространство
и пространство других планет.
Люди купят пролетающие мимо кометы!
Начнут строить города на Марсе...

Люди станут настолько богатыми, что начнут
создавать новые миры в 1000 D измерении.
Причём каждый будет создавать свой мир
и заселять его тварями
по образу своему и подобию...
«Мы завалим нашу родину деньгами,
мы построим счастливое послезавтра!»
Жаль одного – люди забудут,
что мешки с картошкой походят на облака:
серые, тугие, наполненные будто яблоками. . .

КРАСНЫЙ ПОДАРОК

— А что я подарю дяде на день рождения? —

Я нарисовал картину «Красная сирень».

Холст. Масло.

— Но картина должна быть в раме! —

Я стал делать раму. Багета рамного не хватило.

Я наставил кусок багета, покрасил красной краской —

получилась красная рама с наставленным багетом

в нижнем углу справа...

«Красную сирень» вставил в красную раму.

Получился прекрасный подарок!

На красном фоне — красная сирень в красной вазе.

Украшает картину красная рама

с наставленным красным куском багета

в нижнем углу справа.

Если перевернуть картину —

кусок наставленного багета окажется

в верхнем углу слева.

Дядя был очень рад моему прекрасному подарку!

Ещё бы! — красная сирень! Красная рама!

Он сразу повесил картину на стену

так, что наставленный кусок красного багета

оказался в верхнем углу слева.

Прошло много лет... Красная картина висит

вниз головой.

Дяде очень нравится мой давний подарок.

Особенно ценит наставленный красный кусок

красного багета...

В верхнем красном углу слева!

СИБИРСКО-ХВАТСКИЕ

Живём, одетые в пальто,
в полупальто, в меха, в манто —
на улицах и в электричках,
в лесах,
в заснеженных полях...
В сибирских наших городах
живём,
как будто по привычке.
Нам ни к чему бранить погоду,
морозно-лютую свободу,
сибирско-хватскому народу —
живём в мехах, в полупальто...
И в ус не дуем.
Нам то что!
А если что — найдутся спички,
костёр наладим в электричке,
в лесах, на улицах,
в авто...

КОМНАТА В НЕБЕ

Где мои семнадцать лет?

В. Высоцкий

Когда мне было семнадцать лет —
я любил чудачить.
Я сочинял чудаковатые стихи про стул,
стоящий на столе,
про комнату в небе. . . И однажды
сочинил первую книгу.
Она увидела свет, когда мне перевалило за сорок. . .
Вторая, вышла в свет раньше,
когда был молод, мне было тридцать...

Я не любил стихов о Родине в газетах и журналах
советского времени. . . Я был наивен.
Мои старшие товарищи, называвшие меня
товарищем по перу, говорили так:
«Мы стоим на своей передовой.
Мы поём песню Родине во славу её и процветание.
Славу будем хранить и множить
Это наша работа...»

Прошли года. . . Я живу в другой стране,
хотя страна остается, как прежде,
такой же большой и такой же неудобной для жизни,
только в другом формате, чуть разделённая
на несколько небольших княжеств-стран.
Как в том магазине, где поменялась вывеска
и появились новые отделы:
бутики, салоны, торговые лавки. . .

К сожалению, а может к счастью, не дожили
до этих неоднозначно непонятных дней
мои старшие товарищи.
Перешли, как говорится в мир иной. . .
Ни тебе портвейна, ни пивной. . . Пустота, товарищ. . .
Остались только стихи в старых,
потрёпанных и почти развалившихся
газетах и журналах.

Теперь я люблю читать стихи о Родине.
Они мне нравятся своей правдивостью
и отчаянной трогательностью. . .
В новом, так сказать, формате.
Может быть, потому, что я стал старше себя самого,
мне уже за пятьдесят. . . А может быть,
потому, что теперь я стою на передовой,
и я пою песню во славу своей Родины.
Сейчас это моя работа!

Я вижу, как молодой поэт с искренним уважением
и сожалением слушает мои новые стихи о Родине.
Он знает, что я сочинял когда-то чудаковатые стихи
про стул на столе, про комнату в небе. . .
Может быть, он думает, что я разучился?
Хотя, скорее всего, тот стул на столе
и комната в небе – тоже часть
моей чудаковатой и великой страны.

КЛАСС НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В школе я изучал немецкий язык,
ходил вместе с одноклассниками в немецкий класс.
В основном его учили двоечники и троечники,
полушпана и шпана . . .
Так повелось в нашей средней советской школе,
стоящей на окраине города прямо у леса.
А в лесу стояла психиатрическая больница
и дача Брежнева (читай – правительственная),
куда Брежнев так и не приехал.

Учительница немецкого языка
очень походила на немку, и нам казалось,
что в своей большой сумочке
она прячет фашистскую каску. . .
Я хорошо знал по немецкому только две-три фразы:
«Русишь – швайн», «Хенде хох»!..
На выпускном экзамене по немецкому языку
было весело: «Гитлер – капут»!
Всем раздали-поставили тройки. . .
Так повелось в нашей средней советской школе,
стоящей на окраине прямо у леса.

А в лесу чуть дальше правительственной дачи
и психбольницы
ещё находилось заброшенное
и всеми забытое немецкое кладбище,
где после войны хоронили пленных немцев,
умерших и расстрелянных по неизвестным нам
причинам. До сих пор о кладбище мало кто знает,
но я помню, как Вовка Петухов и Витька Романов

ходили раскапывать могилы...

Однажды

поздней осенью, когда в окна школы залетали
маленькие облака и мокрые сосновые иголки,
Вовка с Витькой принесли в школу два черепа
и продали их почти за бесценок:

один – учителю биологии,

а другой купила учительница немецкого языка
и положила в свою большую сумочку,
где по нашему представлению
лежала фашистская каска. . .

А потом в лесу мы пили портвейн прямо из горла,
осторожно передавая бутылку из рук в руки,
а маленький дятел выстукивал на сосне азбуку Морзе:
тук-тук, тук-тук, тук-тук. . .

Мы слушали его лесные стуки, как кукование кукушки,
которая может поведать о том,
сколько лет нам осталось жить на этом свете.

Дятел был добрым, он настукал нам
долгую жизнь: тук-тук, тук-тук. . .

тук-тук, тук-тук. . . тук-тук, тук-тук. . .

Даже тем, кто через два года уйдет на войну
в другую страну – выполнять интернациональный долг
в Афганистане, откуда вернутся не все живыми
и здоровыми, правда, настоящими победителями
и с настоящими медалями.

«Гитлер – капут», «Хенде хох», «Аллах акбар»,
«ИншаАллах». . .

ГОЛОВА ДОКТОРА ДОУЛЯ

Матрёшчатый верлибр

1

Помню возле школы лес: сосны, ёлки, ели
да ещё школьный двор, где стояла на постаменте
голова-бюст доктора Доуля, похожая на бюст
Ульянова-Ленина.

2

Ночью по школьному двору никто не ходил.
Все боялись сторожа-дворника дядю Галю-Петю,
который по ночам школьный двор сторожил,
а ещё говорили, что пьяным дядя Галя-Петя
был ненормальным и мог запросто лопатой
зарубить...

3

Ну а может, причиной тому, что никто не ходил,
была голова доктора Доуля, умеющая кричать
в лунном свете — каменным голосом, хотя
в лунном свете её было трудно отличить от головы
дяди Гали-Пети...

4

Так сторожили школьный двор две головы,
орущие разом, если кто-нибудь ночью на двор заходил;
одна — с постамента, другая — из окна сарая,
где хранились мётлы, вёдра, лопаты, а также
дядин Галин-Петин стол,
а за ним кровать.

5

Помню, что дядя Галя-Петя пропал куда-то.
Исчез насовсем. Остался сарай, метла, вёдра, лопаты...
Стол и кровать завхоз школы увёз на свой огород.

6

С тех пор голова доктора Доуля
отрешённым каменным взглядом
молчаливо взирает на школьный двор,
по которому ночью всё равно никто не проходит...

7

И только зимой, когда школьники на перемене
играют в снежки, голова доктора Доуля
служит мишенью, а потом плачет,
когда солнце нагреет её...

МАТРЁШКА

Матрёшчатый верлибр

I

У Наташки были большие глаза, толстые губы.
Длинная, худая, а к низу – широкая фигура.
Она была похожа издали на балалайку,
на контрабас, на котором никто не играет. . .

II

Наташка наряжалась в такие платья,
что её фигуру не пощупаешь взглядом,
не оценишь, можешь только представить
90–60–90 или 90–100–190.

III

Наташка однажды меня спросила:
«А когда же ты на меня посмотришь?»
Имея в виду, конечно, совсем другое...
И тогда я понял, что женщины понимают,
как на них смотрят; различают мужчин по взглядам,
кто и как на них смотрит...

IV

Я ответил: «Я оставляю тебя на потом, Наташка,
на про запас, Наташка, на самое сладкое...»
Наташка улыбнулась, румяная, как матрёшка,
и больше никогда не задавала такого вопроса.

V

Видимо, женщинам не так уж много надо.
Видимо, они могут довольствоваться малым,
даже необязательным обещанием,
даже быстрым, сиюминутным,
но достаточно откровенным взглядом.

VI

И совсем неважно, какие у них глаза, губы, какая фигура,
в какие они наряжаются одежды-наряды.
Хотя у Наташки были большие голубые глаза,
припухлые губы...
А фигура походила на балалайку,
на которой, некстати, никто не играет...

КРАСОТКА БЕЗ ТУЛОВИЩА

Матрёшчатый верлибр

I

Сели молодые вместе с родителями
в доме невесты ужинать, да выпили белого вина.
Жених выпил чуть больше положенного
и с четвёртой рюмки запьянел:
кровь молодая по телу разошлась,
и вроде как на подвиги потянуло.

II

Видит он, что равнодушен к его молодой невесте
соседский парень, который вроде недавно зашёл
о чём-то спросить у хозяев, спросить-то спросил,
да незаметно остался, а потом хозяйка
вместе со всеми его за стол пригласили.
Родители невесты с соседями дружно жили,
почитай, как одна семья:
дворов в деревянном городке много,
а соседский один, да и тот забором не огорожен.
Пусть сидит парень, решили они,
порадуется со всеми, да полакомится
тем, что Бог послал.

III

А пьяному жениху чудится неладное:
видит он, как ластится соседский наглец
к его невесте. То хлеб подаст, то общую тарелку
с салатом к ней подвинет...
И тогда молодой жених решил для храбрости
ещё вина выпить.

Выпил, и тут к нему искусители подлетели,
которые вдруг, откуда ни возьмись,
в доме появились.

— Пусть твоя любимая с парнем соседским
побудет наедине, — сказал один искуситель жениху,
а другой добавил. — А ты иди в спальнку,
там для тебя девица роскошная приготовлена.

IV

Посмотрел жених мутными глазами
на открытую дверь в спальнку, а оттуда точно,
так и есть, выглядывает девица, и глаза у неё
такие красивые и притягательные,
что не удержался от соблазна жених и согласился;
оставил молодую невесту с соседским парнем
и был таков. «Пусть пофлиртуют, — решил он. —
От невесты все равно не убудет».

V

Зашёл он, качаясь от вина, в спальнку,
а девица уже на полати поднялась
и с полатей на него смотрит, будто зовёт к себе.
Застучало у него сердце, задрожали руки,
а ноги сами пошли напрямиком к полатам.
Поднялся жених, чтобы обнять красотку,
и видит, что у красотки нет ни рук, ни ног,
только одна голова, а туловище, как у рыбы
с плавниками, да к тому же,
чем-то на мешок с картошкой походит,
а на конце узелком завязано.

VI

Развязал жених узелок, думая, что в мешке
руки и ноги увидит, да не тут-то было —
из мешка воздух стал выходить,
раз-два и весь вышел, одна голова осталась!

Лежит голова на полатах, улыбается
и по-прежнему на него смотрит, мол, ты чего меня
не обнимаешь?

— Как же я обниматься с тобой буду, ведь у тебя
только одна голова? — сказал, расстроенный жених.

Засмеялась красотка и отвечает ему:

— А ты со мной платонической любовью займись
или целуй в губы и радуйся, пока не надоест!

VII

Понял жених, что посмеялись над ним,
да было поздно. Вернулся он к столу,
а за столом пусто: ни молодой невесты нет,
ни парня соседского нет, ни хозяев нет.

Искусители тоже куда-то подевались.

Одни пустые бутылки на столе стоят,
да позвякивают — смеются над ним.

РАЗГОВОРЫ

Матрёшчатый верлибр

I

Дарья говорит о себе, Клара говорит о себе,
если даже разговор о тряпье, о любви, ерунде, курабье,
всё равно – о себе, о себе...

II

Виктор говорит о Дарье, Фёдор говорит о Кларе...
Если даже разговор о драке, о работе, вине, собаке,
о пирушке и похмельной гульбе,
всё равно – о себе, о себе...

III

Дарья говорит о Фёдоре, Фёдор говорит о Кларе,
Клара говорит о Викторе, Виктор говорит о Дарье...
И тому подобное,
и так далее...

СТРАШНАЯ СКАЗКА, ИЛИ КАК ЛАПШО ПЕДУНЬ* ПРЕЗИДЕНТОМ БЫЛ

Сказ

Восстали сумасшедшие из гробов

И стали переделывать мир. . .

К. Кедров

Оживших мертвецов в США всё больше...

Джо Ромеро (Рассвет мертвецов, 1978)

Восстали сумасшедшие из гробов и стали переделывать мир. Переделывали, переделывали, и вдруг Лапшо Педунь пришёл, он в то время в Кремле работал временно исполняющим обязанности Президента, встал и смотрит, как бы помочь восставшим из гробов переделать мир.

— Ты откуда пришёл? — спрашивают его сумасшедшие, восставшие из гробов.

— Из Кремля, — ответил Лапшо Педунь.

— Ну и иди обратно в свой Кремль, там есть, что переделывать, а нам не мешай. —

Обиделся Лапшо Педунь, но не ушёл, стоит, смотрит и не знает, что делать. И вдруг слышит знакомый голос:

— Эй, Лапшо Педунь, айда ко мне пиво пить! —

Посмотрел Лапшо Педунь в ту сторону, откуда голос доносился, и видит: сидит у пивной бочки Ельцин Борис Николаевич, и пиво кружками пьёт.

Обрадовался Лапшо Педунь, подбежал к нему:

— Здравствуйте, Борис Николаевич!

— Здорово! — говорит в ответ Ельцин, и хлопает Педуня по плечу.

– Садись и смотри, как я пиво пью,
а если хочешь сам пей. Можешь орешками закусывать.
– Я бы рад орешки с пивом кушать, Борис Николаевич,
да сами понимаете, надо мир помочь переделать
вставшим из гробов.

– А я что, не вставший из гроба?

– Не-е, Борис Николаевич, вы особенный, вы памятник
и зовут вас в народе Лапшо Инмар**!

– Откуда ты знаешь? – удивился Борис Николаевич.

– Я не знаю, у вас это на лбу написано, –
ответил Лапшо Педунь.

Борис Николаевич посмотрел на гладь пива, что в кружке
овальным зеркальцем лежала, и увидел своё отражение.
Правда, на лбу другое слово было написано. Какое?

А сами догадайтесь! Из трёх букв состоящее.

Рассердился Борис Николаевич, и как закричит:

– Да как ты смеешь, смерд ходячий,
временно исполняющий мои обязанности,
говорить, что на лбу у меня не написано!

Вон отсюда! что б ноги я больше твоей
не видел тут! –

Испугался Лапшо Педунь и побежал обратно в Кремль;
там его жена Аглая Педуевна Педунь дожидается,
пригорюнилась у Царь-пушки, руки на колесо положила
и сидит, смотрит на площадь...

– Аглаюшка! – взмолился Лапшо Педунь, –
помоги мне советом, как мир помочь переделать
вставшим из гробов? –

Но Аглая Педуевна Педунь как закричит на весь Кремль:

– Не хочу я быть Аглаей Прекрасной, а хочу я стать
Государыней Императрицей, чтобы весь мир
мне поклонялся, и чтобы ты мне служил,

а вся страна прислуживала! А-а-а! –
Сплюнул Лапшо Педунь на брусчатку
и побежал к себе в кабинет.
Бежит, бежит, а навстречу ему – колобок
– Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл!
Я от волка ушёл, от лисы ушёл, а от Лапшо Педуня,
временного исполняющего обязанности Президента,
и подавно уйду!
– Врёшь, не уйдёшь! – заскрипел зубами Лапшо Педунь,
как раненый Чапаев. – Врёшь, не уйдёшь! –
Набросился Педунь на колобка
и начал его в брусчатку вдавливать.
Давит, давит и приговаривает:
– Врёшь, не уйдёшь! –
Соседи по Кремлю в окошко всё это увидели,
и Скорую помощь вызвали, а ещё в Полицию позвонили:
– У нас тут такое происходит, такое происходит!
Временный Царь-батюшка Лопшо Педунь
трёх колобков давит! –
Пока суть да дело, пока Скорая помощь ехала,
пока на помощь полиция поспешала,
вдавлив Лапшо Педунь колобка в брусчатку
и дело с концом! Руки отряхнул
и дальше пошёл в Кремль. . . мир переделывать.

* Лапшо Педунь – главный сказочный герой удмуртов;
Педунь – это на удмуртском Федор; Л а п ш о – балагур, весельчак.

** Инмар – верховное божество в удмуртской мифологии

ГАРНИТУР НОСТАЛЬГИИ

В городе юности тишь да гладь. Деревянные тротуары. . .
Я шагаю. Поскрипывают доски, как половицы.
Вот зелёный ковёр газона, вот двухэтажный дом-комод
с утренними окнами и цветистыми занавесками. . .
Вот палисадники-вазы с цветами; георгинами, пионами. . .
За ними высятся привидения
новой мебелированной залы-новостройки;
трюмо, трёхстворчатый шкаф. . . Двухспальная белая кровать,
почему-то стоящая вертикально. Две прикроватных
будки-тумбочки. . . Забор коробок и чемоданов.
На бельевых верёвках растянуты бельё-флаги;
майки, рубахи, простыни. . . Логотипы – товарные знаки.
Из коммунальной кухни-столовой разносится запах
жареной картошки и тёплого хлеба...
Провинциальный гарнитур заканчивается
письменным столом-мусорницей, где разбросан
бумажный хлам черновиков-стихов,
напечатанных и не напечатанных
в главной газете моего деревянного городка. . .
Так начинается ностальгия.

ПУТЕВОЕ

Там вдали между сосенок-ёлок
затерялся великий собор,
деревенский, таёжный посёлок,
вдоль посёлка – щербатый забор,

колесо от прицепа – в бурьяне,
да и сам безколёсый прицеп. . .
Вон сидят на прицепе миряне, :
(мастера, мужики, россияне. . .)
обсуждая, ругая Совдеп

и разбитые наши дороги,
матерком вспоминая мораль. . .
Недалёкие эти чертоги
отчего-то мне всё-таки жаль!

Потому ли, шагаю в посёлок
вековую дорогой прямой –
там вдали между сосенок-ёлок
будет ужин, и будет постой. . .

Словно там проживают родные,
только где – не припомню. Забыл. . .
Времена наступили иные
(девяностые, злые, шальные),
а посёлок остался, как был!

Вот – шлагбаум! Почудился что-ли?
И вокзального счастья духан. . .
Скоро, скоро в таёжной юдоли
подниму медовухи стакан!

Выпью весь! За родную землю,
за родных и за всех поселян . . .
А потом я спую про столицу,
про Москву, как водитель Толян!

Лягу спать на солому ль, на сено ль . . .
и приснится престранный прицеп,
что ракетой гудит во вселенной,
прославляя российский Совдеп

на века!.. А пока что шагаю,
поспешаю дорогой своей!
Рад, что будет пора урожаю . . .
Рад собачьему дальнему лаю
и тропинке, и стайке гусей.

Что колышется русское поле,
что приветит глухой уголок!
Что уводит дорога средь поля
на развилку таких же дорог . . .

ОСЕННИЙ ТУПИК

Маленькая поэма

1

Кажется, уже не вспомню то, что раньше было:
письменный стол, коридор, дверь на улицу. . .
Я уже не верю, что ты в мой дом приходила,
не верю или не хочу верить. . . Пуговицу
оторванную сам пришью. Нитка с иглой –
инструмент холостяка, как ложка и чашка.
Только скороварка на плите иногда воет волком,
разбрасывает вещи по комнате барабашка. . .
Можно всё обо всём сказать по-другому,
но по-другому бывает сказать не возможно,
смешно на судьбу идти жаловаться к управдому
и тем более престарелой соседке. . . Не сложно
уйти из дому, погадав на двуликой монетке,
но даже «орёл» и «решка» всегда находятся вместе.
Это – как жёлтый лед скрести в городской беседке,
если рядом нет отхожего места. . .
Вероятно, поэтому нет общих правил,
которыми нельзя поступиться. . . Это свыше!
Всё сделал правильно, правильно суп заправил,
хлеб нарезал, поел. . . и вышел.

2

Парк опустел. Деревья ласкают небо ветвями
или впиваются в небо. В воздухе запах гнили
или дождя. Аллея с пустыми скамьями...
Я теперь не верю, что здесь мы вместе с тобою ходили,
восхищались миром, окружённые каменными зверями,
чёрной оградой. Стволы деревьев чернели,

небо ласкали также ветвями или впивались в небо.
Пустые скамейки стояли также вдоль и в глубине аллеи.
Парк был пустым. Только в воздухе пахло хлебом. . .
Только всё было совсем иначе, потому что время
стёрло прежние чувства и породило другие,
потому что прошлое — это не воздушный корабль,
а трирема,
торговый лоток-палатка, пряники слободские. . .
Это деревья, стоящие почти на краю небосклона,
что глядятся сверху вниз в осеннюю жижу.
Это также близко, как пролетающая надо мною ворона:
пока летит — вижу, а когда улетит — не вижу.

3

Помню улицу Ленина, Маркса, тупичок на Спасской. . .
Это мой вагон. Это мой город. Это моя деревня,
где железные заборы теперь красят нитрокраской,
красят белой масляной краской стволы деревьев.
Ни трамвайных звонков, ни звонов колокольных
не слышно,
потому что нет трамваев, потому что нет колоколен.
Ну, а если говорить о том, что как бы чего не вышло —
поневоле скажешь, что край мой семиуголен!
Потому что семь холмов — это семь углов; сады,
заборы, бараки,
сарай, дворы, закоулки, остановки и опять сады,
заборы, закоулки,
остановки, драмтеатр, главпочтамт, мусорные баки
и опять сарай, заборы, баки, остановки. . .
Вечерние прогулки
до вокзала. А там почти то же самое:
заборы, каменные лабазы —

складские ширококоротые одноэтажные помещения.

За ними

стоят недостроенные металлические каркасы

да составы железнодорожные, грузчики с повадками

воровскими . . .

Вот полиция с собаками, вот путейцы

да осматрщики перронов . . .

Вроде надо поздороваться, да язык не повернётся. Так вот!

А на площади привокзальной запах невымытых вагонов

рыскает, словно стая собак, волков, людоедов . . . Однако,

я разошёлся не на шутку, но только в этой шутке — горе,

потому что правды нет, если она неправда, если

правда, как ворона улетела за леса и поля, реки и горы . . .

А другие правды и вороны пока не появились

и не воскресли.

4

Вроде, ничего не изменилось — всё так же, как прежде...

Впрочем, дома, улицы и даже заборы живут

дольше человека.

Впрочем, в пивной лучше быть завсегдаем, чем проезжим.

Впрочем, хорошо, что есть улица, фонарь, аптека . . .

Оседлав чёрта, можно полететь, но лучше на машине

по-над пристанью, по-над баками, по-над лужею . . .

Впрочем, лучше остановиться не в конце, а посередине . . .

Впрочем, каждому своё: Богу — богово,

а тебе — самое лучшее.

ГОРИ, ОГОНЬ!

Ненастный день. Распутице – свобода!
А слободе – дневная полутьма.
И кажется, что это время года
не разгадать. Ни осень, ни зима.

Но незачем подробности искать
и выходить на стылое крылечко,
ведь у меня в каморке благодать.
Тружусь. Дрова подкидываю в печку.

Печь загудела весело! Внутри
объяло пламя новые поленья.
Гори в печи, огонь! Гори, гори!
Мелькай пятнистой шкуркою оленьей.

Рассказывай и ярко говори
о бренности, о подвиге, о славе,
как говорит река на лесосплаве,
о шумных ливнях с ночи до зари...

Пришли друзья, как будто дров сухих
мне принесли помимо разговора
о ца-царевнах наших слободских,
строениях – каких-то таких,
дорогах – неизвестно каковых...
Я восхищён размахом кругозора!

Мы говорим о подвиге страны,
о Бродском говорим, и о Рубцове...
Что не вернулись многие с войны, –
ушли на взлёте или полуслове.

И, подышав свободой, посчитав
что у свободы нет свободы в споре,
друзья уходят, тоже не сказав
каких-то главных слов в том разговоре.

И снова я один... Я слышу, как
затихла печь – сгорели все поленья.
Стучат часы настенные: тик-так...
В душе моей поёт стихотворенье.

Мой светлый мир в пределе неминуем
печным дымком над Родиной плывёт,
и слышно, как в сенях моих скрипучих
домашний зверь из кадки воду пьёт.

ГРАНИЦА УЛИЦЫ И НЕБА

Улица Свободы заканчивалась пожарной каланчёй.
Дальше было небо. Улица уходила в небо.
И становилась небом. . . Небом, небом.
Мы бежали, махая локтями, пытаюсь взлететь. . .
Мы летели.
Мы кричали, как птицы, и нам удавалось лететь. . .
Мы летели,
махая локтями вверх, вниз. . . Вверх-вниз!
Мы проворно двигали локтями: вверх-вниз. . .
Вверх, вниз. . . Вниз, вверх!
И, когда мы летели – мы летели только над
улицей Свободы, которая заканчивалась
пожарной каланчёй. . . И уходила в небо.
И становилась небом. . .
А сверху она походила на маленький аэродром,
откуда взлетали самолёты
и растворялись в небе. . . И становились небом!
И только пожарная каланча, угрюмая и одинокая,
кирпичной кладкой похожая на
средневековый замок,
забытый замок,
на Спасскую башню, на Кремль. . .
стояла на границе улицы и неба. И не улетала. . .
Потому что улица Свободы заканчивалась
пожарной каланчей. . .

ОДНАЖДЫ

1. ЗИМНЯЯ КОРОВА

Однажды в студёную зимнюю пору,
когда мы были студентами художественного училища,
мы купили —
мясо.

Мы положили его в сетку, повесили через фортку,
чтобы утром разморозить и сварить
праздничное блюдо!

К утру мясо выпало из сетки и превратилось
в зимнюю корову...

Корова бродила по улице и мычала.

Шёл сильный снегопад.

И в этом чутком пространстве плавали,
как рыбы в аквариуме,
разноцветные огни крупноблочных барачков.

Возможно, со временем корова растаяла
около тёплого подъезда.

Возможно, её поймали радостные жители городка.

И съели...

А снегопад идёт...

И всё так же плавают разноцветные рыбы
напротив нашей общаги,
где когда-то мы жили студентами
художественного училища.

2. СОЛНЦЕ-МЯЧИК

Однажды я принёс в дом солнце.

Повесил на стену. Солнце со стены упало,
стало прыгать по полу, как резиновый мячик.

Скакать, резвиться, кататься по коридорам,

освещая наш дом... Родовались соседи:
— В доме появилось солнце! —
Даже пир закатили...
Дом превратился в праздник!
Солнце сверкало на блюдах, в стёклах окон,
бокалах.
Даже сверкало на лицах...
Я веселился тоже. Прыгал и хлопал в ладоши...
Был я счастлив очень! Я, принёсший солнце.
Чувствовал свою важность,
необходимость что ли,
как Глеб Сергеич Козырь, наш председатель
домкома.
Только жители дома так никогда не узнали
кто принёс в дом солнце, — это им было неважно.
... Им это стало привычно,
как появление консьержа и бытового газа.

ХЛЕБ БЕЗ ХЛЕБА

Л. Суворовой

Пусть в доме всё не так, как быть должно;
без лампочки, естественно, темно,
и всё коту под хвост, кабы не завтрак. . .
— Без лампочки светлее. . . — скажешь ты,
но это, как рецепт от Клеопатры,
который не положишь под сукно,
поскольку он — рецепт для психиатра. . .
Вдруг вспомнишь: хлеба нет. . . И что давно
камины во дворце не разжигали,
а также про железные ключи,
китайский зонт, хозяйственную сумку.
И что-то про какие-то грачи
Саврасовские
или домино,
а, может быть, вообще про Мимино. . .
Скорей на улочку! За хлебом! К сентябрю. . .
Но улочка разрушена уныньем заборов
и столбов фонарных. Иней
ещё лежит, не тронутый теплом,
и воздух тёмно-бежевый и синий
подобен городскому пустырю,
пожалуй, я скажу — монастырю,
поскольку о пустом не говорю. . .
Прохожих нет. И только грузовик идёт-гудит,
и, в общем-то, неважно, куда он едет. . .
Важно, что не важно,
а так всё, как обычно. . .
Ты проходишь трёхэтажный,
вальяжный переул. . . сермяжный двор.
Обычный городской энеолит:

забор, фонарь, киоск, рекламный щит,
деревьев сад с двухбашенным заводом. . .
И, кажется, пора идти назад. Прощай, сентябрь,
гори, огнём неона
над булочной, которая закрыта!
(Закрыто всё), как дверь от небосклона,
как летний парк с подземным переходом,
которым улыбнешься мимоходом.
«Тереть кастрюли, – скажешь не на страх, –
подобно управлению державой!»
И повторишь, что всё вокруг не ново,
забыв о том, что чем-то вроде слова,
а, может быть, на самом деле словом
протёрла стол на кухне впопыхах,
и на трубу повесила сушиться,
как будто в небо. . .
Пусть в доме всё не так, и нет на завтрак хлеба. . .
и в чашке остывающего чая
уже давно растаял рафинад.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛОЕ ОБЛАКО	6
NORUL ALB	9
WHITE CLOUD	12
БУКВЫ	15
PROGRAM FILES	16
ЛЕТО	17
ПЛАТАН	18
БРЮШАТЫЕ ПОЛУМУЖЧИНЫ	22
КАРТОФЕЛЬНОЕ СОЛНЦЕ	23
ЧЁРНАЯ ЧАЙКА	24
ОБЕЗЬЯНКИ	26
РЫБА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ШОРТЫ	28
МОЛОЧНЫЙ КРИК	30
ДОЛГИЙ УЖИН НА БЕРЕГУ МОРЯ	32
НАРИСОВАТЬ ЭТОТ МИР	33
КАБИНЕТ В КОРИДОРЕ	34
ЛЕПНИНА	36
ОБОЗНАЧЕНИЕ	38
КВАДРАТНЫЕ КВАДРОКУККИ	40
БАРЖА	42
ТОНКИЙ АРОМАТ	44
ПРЯМАЯ РЕЧЬ	46
ВДОХНОВЕНЬЕ	48
НЕБЕСНОЕ МАСЛО	49
КИПАРИСОВЫЙ ЮГ	50
ВОРКОВАНИЕ ОДИНОКОГО ГОЛУБЯ	51
ДРУГ ЗА ДРУГОМ	52
ВОДНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ	53
THANK YOU FOR	54
ЧЁРНАЯ ОБЕЗЬЯНА	56
СТУЛ НА СТОЛЕ	57
ЧЁРНО-БЕЛОЕ	58
МУЗЫКА	62
ЛЕТНИЙ СЕЗОН	63
ВЫВЕСКА	64
ЧЕРЕШНЯ	65
КУСТЫ ДЕЙЦИИ ВИЛЬМОРЕНА	66
FORBES.RU	69
СЛУЧАЙ С ШАЛЯПИНЫМ, ИЛИ ПРОСТО КСЮША	72
СУББОТНИЙ ИНТЕРЬЕР	74

КЕФИРНЫЙ РОМАН.....	78
МОЙ ВЗГЛЯД НЕ СГИБАЕТСЯ В ЛОКТЕ.....	82
В ГОЛОВЕ КАМЕННОГО ДРАКОНА.....	84
ОНИ, БУДТО ЛЮДИ.....	87
AMORE PROXIMI	90
НА СТРОИТЕЛЬНОМ ЯЗЫКЕ	94
СТОЛ ВЬЕТНАМЦА.....	96
ГОРНЫЕ ВЕРШИНЫ.....	98
ДЕРЕВО НАЗЫВАЮТ ПЛАТОНОМ.....	99
ПЕСНЯ О МОРЕ.....	106
ДРЕБЕЗГИ ТЬМЫ, ИЛИ БОСИКОМ ПО ЧЁРНОМУ НЕБУ.....	108
СТРОЧИЯ САЖИ ВЕПРЕВАДЗЕ	115
ЛОШАДИ НА КРЫШАХ	136
КУРИЦА-ПЕТУХ.....	143
ЗЕМЛЯКИ	144
РОССИЯ	146
ХРАМ (НА КРАЮ СВЕТА)	147
КОРОВЫ	148
СКАЗОЧКА.....	149
В ТЁМНОЙ БЕЛИЗНЕ.....	150
СНЕГОВАЯ ЗВЕЗДА	152
СНЕЖНЫЙ ПИР.....	154
ПРЕСВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ.....	156
«КАР-Р!..»	158
ДИВНЫЙ КОРАБЛЬ.....	162
«РОССИЯ»	164
БУДТО ЯБЛОКАМИ.....	166
КРАСНЫЙ ПОДАРОК.....	168
СИБИРСКО-ХВАТСКИЕ	169
КОМНАТА В НЕБЕ.....	170
КЛАСС НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....	172
ГОЛОВА ДОКТОРА ДОУЛЯ.....	174
МАТРЁШКА	176
КРАСОТКА БЕЗ ТУЛОВИЩА	178
РАЗГОВОРЫ	181
СТРАШНАЯ СКАЗКА, ИЛИ КАК ЛАПШО ПЕДУНЬ ПРЕЗИДЕНТОМ БЫЛ	182
ГАРНИТУР НОСТАЛЬГИИ	185
ПУТЕВОЕ.....	186
ОСЕННИЙ ТУПИК	188
ГОРИ, ОГОНЬ!.....	191
ГРАНИЦА УЛИЦЫ И НЕБА	193
ОДНАЖДЫ.....	194
ХЛЕБ БЕЗ ХЛЕБА.....	196

Издательство «ЛиФФт»

Главный редактор: Альмухаметова М.В. (Маргарита Аль)

Редакционный совет: Виктор Гоппе, Виктория Романова, Пётр Кобликов

Серия «Разные голоса»

Валерия Нарбикова «Пешеход»

Наталья Стеркина «Пьеса X»

Галина Шаталова «На всю катушку»

Виктор Коллегорский «Клептоман из Ростова»

Адель Хаиров «Пластилин»

Серия «Золотой ЛиФФт. Писатели Евразии»

Олжас Сулейменов «Азиатские костры»

Серия «Серебряный ЛиФФт. Писатели Евразии»

Серия «Золотой ЛиФФт. Писатели России»

Константин Кедров-Челищев «Стеклянный робот»

Александр Вепрёв «Белое облако»

Серия «Серебряный ЛиФФт. Писатели России»

Александра Окатова «Сезон песка»

Серия «РУБАИ»

Саират Ахмедпашаева (САИРАТ) «Рубаи»

Антология «Писатели современной Евразии»

Антология «Писатели современной Евразии». Том 1

Журнал «ЛиФФт»

Всероссийский Литературный Журнал ЛиФФт №№1–5

Региональный журнал ЛиФФт Рязанской области №№1–4

Региональный журнал ЛиФФт Калужской области №№1–3

Региональный журнал ЛиФФт Смоленской области №1

Региональный журнал ЛиФФт Калининградской области №№1–2

Региональный журнал ЛиФФт Республики Башкортостан №№1–2

Региональный журнал ЛиФФт Республики Калмыкии №1

Региональный журнал ЛиФФт г. Москвы №№1–2

Региональный журнал ЛиФФт г. Севастополь №1

Готовятся к изданию

Региональный журнал ЛиФФт Московской области №1

Региональный журнал ЛиФФт Тверской области №1

Региональный журнал ЛиФФт Тюменской области №1

Региональный журнал ЛиФФт Республики Дагестан №1

Региональный журнал ЛиФФт Ярославской области №1

Издательство «ДООС»

Главный редактор: Альмухаметова М.В. (Маргарита Аль)

Редакционный совет: Виктор Гоппе, Виктория Романова, Пётр Кобликов, Николай Лазарев

Серия «ДООС Поэзия»

Константин Кедров «Стихи и поэмы»

Елена Кацюба «Глядящие на пламя»

Маргарита Аль «Миражи знь»

Семён Гурарий «Звук»

Кирилл Ковальджи «Из вороха стихов»

Сергей Бирюков «KNIG BEG»

Лорес Блинов «ИЗ ПО+стихостаси»

Алина Витухновская «Между небом и землёй»

Александр Чернов «НИЖНИЙ ВЫШГОРОД»

Анатолий Кудрявицкий «Ветер зелёных звёзд»

Татьяна Зоммер «ТРАНСПОРТ ТЕУРГА»

Серия «Авторы Журнала ПОэтов»

Лена Де Винне «НЕВЕСОМОСТЬ»

Яросвет Самовидец: «От абсолюта до Я», «Абрис обстоятельств», «Азбука и хаос свободного стиха»

Книги

Константин Кедров-Челищев «Голоса»

Константин Кедров-Челищев «Новый АЛЬМАГЕСТ». Том 1

Антология Журнала Поэтов ДООС №№1–4

Журнал Поэтов №№1–76

Готовятся к изданию

Антология Журнала Поэтов ДООС №№5–6

Журнал ПОэтов №78

Издательства «ЛиФфт» и «ДООС» специализируются на издании книг на заказ. Издательства расположены в г. Москва.

Для приобретения и заказа книг обращайтесь:

тел.: +7(926)524 56 62

e-mail: liff.oft@yandex.ru

сайт: liff.ru

С Е Р И Я
«Золотой ЛИФФТ. Писатели России»

Александр Вепрёв

Белое облако

Редактор *М. Аль*
Верстальщик *В. Романова*

Тираж 500 экз.
Издательство «ЛИФФТ»
Подписано в печать 30.04.2018
Издание отпечатано в типографии
ООО «Галлея-Принт»

ISBN 978-5-6040161-4-5

9 785604 016145

АЛЕКСАНДР ВЕПРЁВ (1960, г. Киров (Вятка)).

Служил в морской авиации Черноморского флота в Крыму.

Окончил Вятское художественное училище имени А.А. Рылова (1983) и курсы повышения квалификации в сочинском филиале РУДН (2013).

Работал художником-оформителем в районном доме культуры, в Ижевске на металлургическом заводе, в комбинате торговой рекламы. С 1991 года руководил рекламно-производственной фирмой, торговым предприятием.

Первая книга стихов «Я» вышла в 1990 году. Далее последовали книги «Вятская улица», «Пейзаж с железными колёсами», «Стихи о Родине», «Картофельное солнце», «Дерево называют платаном», «Мой взгляд не сгибается в локте, или Случай с Шаляпиным», «Верлибров лаборатория» и др.

Стихи и верлибры переводились на удмуртский, румынский и английский языки; публиковались в переводах в журналах «Кенеш» (Удмуртия), «Hyperion» (Румыния), «St Petersburg» (Канада); выходили отдельными книгами.

Александр Иванович Вепрёв член Союза писателей России, Союза писателей Удмуртии, Союза писателей XXI века. Живёт в Сочи.